

560.43

ное строи
ны на **ОСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ**
Музей

Херсонесский сборник

1959 г.

*В Центральную Научную
Библиотеку ХГУ*

от автора

15 янв. 1960г.

К. Э. ГРИНЕВИЧ

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Інв. № 560/43

СТЕНЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Часть III

Восточная и западная линии обороны

Я же считаю, что не следует ни пренебрегать показаниями этого историка, ни считать его непогрешимым; наоборот, читатели должны выводить свои суждения из самых фактов.

Полибий, III, 9

ВВЕДЕНИЕ

Крепостные сооружения Херсонеса и античная фортификация

Внутренняя ограда Херсонеса вскрыта одновременно раскопками этой бурды, А. Л. Бертъе-Делагарда, К. К. Косцюшко-Валюжи-Систер, Х. Лепера, Л. А. Моисеева и моими. Раскопочные отчеты пориты в "Отчетах" Археологической комиссии и в "Известиях" как комиссии. Отчет Гарабурды напечатан в "Известиях Таврической архивной комиссии". Раскопки Л. А. Моисеева и мои, раскопки восточной стороны западной стены публикуются в настоящем каталоге. Остальные мои раскопки опубликованы в журнале "Крымская археология" ГИАИМК, в выпусках I и II "Херсонесского вестника". Л. А. Бертъе-Делагард издал свое исследование о крепостной стене несколько в "Известиях Археологической комиссии", чтобы противостоять обвинению мне придется часто цитировать эту работу. Башен будут находить, так как по ряду вопросов я с ним не

Локоть равен 0,462 м, в оригинале крепостная ограда Херсонеса доступна участок — куртины 7—15 включи-

тельно (по обозначению Бертье-Делагарда—см. „Изве-
план на табл. II)—в конце XIX в. был раскопан, и н
батарею. В настоящее время они засыпаны, и мы зна
по описаниям и планам, составленным Гарабурдой и
дом.

Остальная часть ограды мною изучена на месте.
участок, как наиболее важный в смысле обороны др
в смысле сохранности и датировки, описан и издан в
„Стены Херсонеса“, ч. I (Херсонесский сборник“, вып.
1926) и ч. II („Херсонесский сборник“, вып. II, Севас-
Южная и западная линии обороны Херсонеса издаются
работе под названием „Протейхизма и перибол“.

Первая и вторая части исследования „Стены Херсон-
ского“ напечатаны в „Херсонесском сборнике“, вып.
II (1927).

В публикуемой здесь третьей части, задуманной еще в I
рассматриваются южная и западная линии стен. Последняя мн
отчасти раскопана, но эти раскопки до сих пор еще не были
Поэтому описанию стены сопутствует отчет о раскопках.

В приложении даны исследования аттической краснофигурной
по которой можно датировать южную оборонительную стену.

Прежде чем приступить к изучению стен, познакомимся в
с теорией античного стеностроительства. К сожалению, до н
дошло ни одного военного трактата ранее IV в. до н. э. Правда,
беглых замечаний имеется у Гомера, Геродота, Фукидида и К
фонты; помогают нам и реальные остатки древних городов. Мы
дим, что теория крепостного строительства восходит на гречес
почве к Трое, а может быть, и раньше, к крито-микенским вр
нам.

Первыми известными нам авторами являются Эней, тактик, д
ший в IV в. до н. э., и Филон Византийский (III в. до н. э.), на-
савший работу „О фортификации“. Чрезвычайно важные сведен
дают Витрувий в трактате „Об архитектуре“ (I в. до н. э.).

Труд Вегеция содержит синтез всего, что дала античная фор
фикация¹.

Постараемся сформулировать в немногих словах требования др
них к обороне города и стеностроительству и посмотрим, отвечаю
реальные остатки Херсонеса этим требованиям. Прежде всего пр
дем общие соображения.

Вегеций (IV, I) говорит: „Города и крепости укрепля
природою, либо искусством, либо тем и другим, что счита
надежным“. Мы видим, что Херсонес может быть отнесен
нему типу городов: он стоит на мысе, на скалистом полуостро-
ваемом с трех сторон морем, и защищен „природой места“.
с тем он укреплен и искусственно посредством крепостно

Подкрепляя только что сказанное, Вегеций продолжа
ные укрепления — возвышенное или крутое место, мест
морем или окруженное болотами и реками. Искусстве
ния — рвы и стены. Там, где надежнейшая зашт
природы, требуется осмотрительный выбор,

¹ Чрезвычайно полезным справочником являе
мира* В. П. Зубова и Ф. А. Петровск
главнейшие письменные источники из античн
нет.

ное строительство. Мы видим, что древнейшие города так расположены на открытых полях, что даже при отсутствии естественной защиты искусство и труд сделали их неприступными" (IV, 1). Реки, а за ними и римляне создали определенные традиционные ила расположения крепостной ограды, положив в основу идею называемого „бокового обстреливания“ в целях недопущения а к стенам. Вот что говорит Вегеций со ссылкой на „древних“, говоря под ними не только греков, но и хеттов и особенно ассирийцев — так как в системе укрепления города Ассур мы уже видим этот принцип. „Древние не считали возможным вести городские стены по прямой линии, чтобы они были открыты ударам таранов, но, заложив фундаменты, окружали город извилистой линией стен с близко от друга расположенными башнями, на тот случай, что если кто-нибудь пожелает подойти к так построенной стене с лестницами или минами, он был бы тесним не только спереди, но и с флангов и даже с тыла, точно схваченный в объятия“ (Вегеций, IV, 2). Филон Византийский хорошо понимает этот принцип бокового обстреливания, причем мы видим, что уже в его время было несколько разновидностей постройки крепостных стен, исходя из этого принципа: „Системе фортификации нужно выбирать после изучения местности. Ведь в разных случаях годится разное. Например, система меандроподобная годится на равнине, система полукружий и „зубцов пила“ годится там, где место, окружаемое стеной, неровное. Система „двойных стен“ пригодна тогда, когда город, в котором надлежит возвести укрепление, имеет выступающие вперед и отступающие назад части. Система „косых куртин“ пригодна при треугольных очертаниях, а старинная система годится на территории с круглыми границами“ (Филон, VIII, II). Из этого высказывания Филона мы видим, что уже в I в. до н. э. греческое фортификационное искусство знало шесть основных систем. Первая и последняя системы, т. е. меандроподобная (по узор меандра) и старинная, т. е. без выступов, понятны сами по себе. Понятна также система двойных стен, часто применявшаяся в Херсонесе, когда впереди основной стены строилась протейхизма. Хотелось бы остановиться на трех системах: полукружий, зубцов пила и косых куртин.

Предоставим слово Филону: „Существует и другая система фортификации: располагать стену по полукружиям, обращая вогнутость их к врагам; концы дуг должны примыкать к башням, приравливаясь к их углам, и между этими двумя углами должен оставаться промежуток, равный ширине, которую имеет стенка фундамента башни с внутренней стороны ее“ (VIII, I). В Херсонесе мы нигде не наблюдаем этой системы.

Система „зубцов пила“ представляет вариант предыдущей. Филон говорит: „С этой системой сходна система „зубцов пила“, изобретенная, как говорят, механиком Полиэйдом; согласно ей, нужно строить в некоторых опасных пунктах пятиугольные башни в середине куртин. Перекидывая затем балки от одной стены к другой, мы получаем логичное расположение. Некоторые предпочитают другую систему, когда куртины слегка отступают назад, имеют в длину 100 локтей, в толщину 12 локтей и в высоту 6 оргий¹. Нужно сделать верхнюю часть стены несколько суживающейся кверху, достаточно прочной, чтобы противостоять обстрелу литоболов. Обе противоположные стены башен будут находиться друг от друга на расстоянии 8 локтей“

¹ Локоть равен 0,462 м, в оргии — 4 локтя.

(VIII, 5—7). В Херсонесе мы нигде не находим этой системы „зубцов пилы“.

О системе „косых куртин“ нам сообщает тот же Филон: „Существует очень простая и достаточно надежная система, когда куртины построены наискось... и при этой системе башни расположены так, что там, где они примыкают к стене, они образуют один острый и один тупой углы, ибо если их строить так, то в случае приближения военных машин одна из башен сможет оказать поддержку другой“ (VIII, 13—15).

Если после обозрения этих древних фортификационных систем мы обратимся к Херсонесу, то отметим, что стены IV в. на длинном протяжении часто идут прямолинейно без требуемых зигзагов. По видимому, здесь господствует так называемая „старинная“ система. Это мы видим на куртине 16 — 17 юго-восточного участка, это же мы видим и на западе городища, где древняя стена почти без изгибов идет от башни V до моря. Строители считали, видимо, что осада со стороны местных „варваров“ не так уж серьезна, и поэтому не озаботились создать возможность бокового обстреливания с башен. Это мы видим на западе и на юго-востоке. Правда, потом эта слабая сторона обороны была использована врагом, вероятно, в эпоху диофантовых войн, и на куртине 16—17 мы видим пролом в стене, сделанный осадной машиной. Видно, как этот пролом был в военной обстановке наскоро заделан камнями, а снаружи была спешно построена полукруглая башня XV¹. В Неаполе Скифском был найден рисунок на стене с изображением стенобитной машины на колесах.

На западе городища мы также видим, что в конце античного периода древняя стена была заброшена и построена новая с зигзагом в сторону запада, благодаря чему довольно большая площадь была присоединена к городу, войдя под защиту новых стен. Следовательно, система „косых куртин“ была применена в некоторых местах и в Херсонесе.

Далее Филон говорит: „При постройке башен нужно, во-первых, копать до скалы, до воды или до какого-либо надежного слоя грунта, как можно лучше укрепить это место и заложить фундаменты на известковом (?) растворе, дабы стены не обрушились при ударах в их фундаменты и нельзя было бы ускорить под них подкоп“ (I, I).

В Херсонесе всюду строго соблюдалось правило строить стены и башни обязательно на скале, причем на скале клали сначала (но не везде) фундамент из небольших бесформенных камней на глиняном растворе (греки извести не знали, и поэтому данное место Филона неудачно переведено). Тип фундамента на куртине 16, изображенный на рис. 21 „Стен Херсонеса“, ч. II (стр. 25), дает нам должное представление о технике возведения фундамента и стены.

Древние инженеры продумали с большой тщательностью способ постройки стены. Вегеций, например, говорит: „А для того, чтобы никак нельзя было разбить стену, ее строят так: на расстоянии 20 футов² внутри (т. е. друг от друга) строят две стены. Затем землю, извлеченной из рвов, заполняют промежуток между ними и уплотняют ее трамбовками... Стена, ставшая более прочной благодаря земляной засыпке, не может быть разбита никаким тараном, а если как-нибудь случайно будут разрушены камни, то нападающим будет

¹ К. Э. Гриневич, Стены Херсонеса, Хсб. II, Севастополь, 1927, стр. 10, рис. А (на плане „О“); стр. 20, рис. 15 „А“; стр. 27, рис. 23 „В“; стр. 31, рис. 29.

² Римский фут равен 0,296 м.

противостоять вместо стены масса земли, плотно забитой между стенами“ (IV, 3)¹.

В Херсонесе это правило засыпки стен землею почти всюду соблюдено, однако в некоторых местах античная стена имеет еще каменную забутовку на глине. При кладке „кордонами на ребро, плитами на образок“ и при кладке „логом и тычком“ (о системах кладки см. ниже) камни, положенные длинными концами в глубь стены, соприкасаются друг с другом, создавая внутреннюю перевязь стены.

Древнее правило фортификации требует, чтобы кладка башен была независима от кладки стены, но это важное правило в Херсонесе редко где соблюдено (ср. башни XIV, XVI, XVII).

Теперь коснемся формы башен. В Херсонесе мы встречаем в стенах IV в. прямоугольные, круглые и полукруглые башни, между тем как древние писатели в один голос рекомендуют строить полукруглые башни, хотя признают башни и других форм. Филон Византийский (1, 2) говорит, что „нужно строить башни в подходящих местах. Одни башни будут не совсем круглые, а снаружи закругленные, внутри плоские, имея вид половины цилиндра, рассеченного плоскостью, перпендикулярною его основанию“².

„Другие башни, — продолжает Филон, — будут шестиугольные, пятиугольные и четырехугольные, обращенные вперед одним своим углом, дабы они защищали друг друга при помощи снарядов, которые мечут с них вправо и влево в подведенные к стенам военные машины, и дабы эти башни не пострадали от ударов тарана или петроболов (каменометов). Ведь удары орудий, приходящиеся перпендикулярно к поверхности, бывают могучими, а те, которые попадают на выступающий угол, отражаются, теряя свою силу...“

В Херсонесе мы видим прямоугольные башни (например, на западе, к северу от башни V), но они поставлены по отношению к стене так, что их передний край параллелен стене. В сборнике В. П. Зубова „Архитектура античного мира“ (рис. 19, стр. 47) дан план башен по Филону, поясняющий особенность их постановки — углом вперед. В Херсонесе мы не знаем примеров такого расположения углов, да он и непрактичен, так как удары таранов легко могут обломать хрупкие углы башен.

Тот же Филон, а за ним и Вегеций особенно рекомендуют круглую или полукруглую форму башен и вот почему: „При отеске камней, — говорит Филон (IX, 3—4), — для полуцилиндрических башен нужно измерить наружную периферию их и в соответствии с ней изготовить деревянные образцы, которые будут переданы каменотесам для ускорения их работы. Башни будут тогда строиться без перерыва, и город станет могучим при таком способе строить башни, оттого что снаряды петроболов окажутся бессильны и камни, более широкие снаружи, чем внутри, не поддадутся под их ударами“³.

Витрувий в своем трактате „Об архитектуре“ поясняет, почему выгоднее всего делать круглые башни: „Башни следует делать круглыми или же многоугольными, ибо четырехугольные скорее разру-

¹ В сборнике В. П. Зубова „Архитектура античного мира“, (стр. 33) помещен рис. 2, иллюстрирующий эти слова Вегеция (дан разрез стены).

² Филон говорит здесь о полукруглых башнях. Такие встречаются и в Херсонесе башни I, XV, XVI, XVII и др.).

³ Интересное замечание, проливающее свет на античную технику сооружения однородных башен. Возможно, что и в Херсонесе это имело место, так как большинство башен имеет одинаковый радиус, например, первоначальная башня V, башня XIII, ядро башни XVII, башня XVII а.

шаются осадными орудиями, потому что удары таранов обламывают их углы, тогда как при закругленных они, как бы загоняя клинья в центр, не могут причинить повреждений. При этом укрепления стен и башен оказываются наиболее надежными в соединениях с земляными насыпями, так как их не в состоянии повредить ни тараны, ни подкопы, ни другие военные орудия" (1, 55).

В Херсонесе насыпи для сооружения на них стен стали делать только в римское время, а так как часть крепостной ограды находилась в низине (в юго-восточной части), то засыпали древние стены и на них, как на фундаментах, построили новые, более высокие стены. Приведенная выше выдержка из трактата Витрувия объясняет, почему в Херсонесе над греческим ярусом стен возникли римские стены.

Древнегреческие стены Херсонеса сложены из тщательно отесанных плит местного твердого известняка желтовато-серого цвета, так называемого сарматского яруса. Плиты доставлялись на строительство приблизительно отделанными, и более тщательная пригонка камней производилась на месте, поэтому до сих пор мы находим на скалах многочисленные отёски. Пригонка производилась с математической точностью, что было особенно необходимо, так как греки не знали никакого связующего вещества вроде римской цемянки или византийской извести. Они знали только гипс и глину, но оба эти вещества не годились для монументальной постройки. Поэтому греки клали все камни насухо, и они держались благодаря своей тяжести и точной пригонке крепко и надежно. Кроме того, камни связывались друг с другом деревянными клиньями, так называемыми пиронами; для этого с краю камней высекались зарубки, в которых держались эти клинья. Впоследствии деревянные пироны гнивали, да и становились ненужными, так как устоявшаяся стена представляла собой монолитное целое¹.

Изучая датированные древнегреческие сооружения, известный французский историк искусства М. Коллиншон пришел к выводу, что каждая эпоха употребляла пироны различной формы: архаические (VI в.) сооружения имеют свинцовые или железные пироны. Афинский Парфенон эпохи Перикла имеет пироны в форме широкого Н, постройки IV—III вв. имеют пироны в форме хвоста ласточки, вернее двух хвостов, сложенных друг с другом суженными концами. Очевидно, античная строительная техника к этому времени выработала практическую форму, наиболее способную скрепить камни.

В камнях херсонесских стен мы видим углубления именно для пиროнов последнего типа. Все сказанное о пиронах позволяет в их формах видеть основание для датировки херсонесских стен эпохой не древнее IV в. до н. э.

В древнегреческих крепостных стенах Херсонеса мы констатируем три системы кладки, довольно резко отличающиеся друг от друга. Самой первой по времени и самой прочной и характерной следует признать кладку плашмя, которая применена на куртине 17. Второй — кладку „кордонами на ребро, плитами на образок“, названную так известным исследователем Ольвии проф. В. В. Фармаковским при

¹ В сборнике РАНИОН „История техники“ я поместил статью „Техника и тип кладок датированных стен античного Херсонеса“ (1931, стр. 63, сл.). Отсылая интересующихся к этой статье с таблицами, в настоящей работе я даю только краткое описание основных кладок стен древнегреческого периода. См. также статью А. Карасева об архитектуре в сборнике „Античные города Северного Причерноморья“ (изд. АН СССР, 1955).

описании подобной, но более древней кладки крепостной стены Ольвии у Заячьей балки¹.

Эту кладку в Херсонесе мы должны признать ранней, так как она применена при постройке древнейшей стены, остатки которой открыты в 1927 г. с внутренней стороны куртин 19 и 17. Такую же кладку мы видим в стене IV в. — на куртинах 17 и 18 юго-восточного участка и на западе городища; аналогичная кладка башни XVI и ядра башни XVII. Эта кладка отличается особой системой чередования камней: сначала идет ряд камней, положенных плашмя, по лицу стены они выступают своей узкой частью. Затем идет ряд камней, поставленных на ребро и образующих широкую часть кладки, в которой камни чередуются так: одни обращены к фасаду своим «зеркалом», а другие выставлены вперед своей узкой частью, торцом. Над этим, более высоким рядом снова идет ряд плит, положенных плашмя, и т. д. Зеркала всех камней, выходящие наружу, — не обработаны, что дает игру света. В общем получается неотразимое впечатление монументальности и красоты, свидетельство мощи древнего города.

Размеры камней не очень большие, вполне достаточные для того, чтобы двое рабочих свободно могли их передвигать; высота ряда плоских положенных («на образок») плит в среднем 0,34 м, высота ряда камней, поставленных стоймя («кордонами на ребро»), — в среднем 0,66 м, длина по линии стены камней на образок (т. е. камней узкого ядра) — 2,23 м, а длина кордонов на ребро — 2,07 м. Узкая сторона плит, положенных в широком ряду в глубину стены, равна в среднем 0,23 м. Образцы этой удивительной кладки, в которой каждый камень живет индивидуальной жизнью, даны мною в «Стенах Херсонеса», ч. II (стр. 25, рис. 21; стр. 27, рис. 23 и 24, на рис. 23 эта кладка обозначена буквой «б», а на рис. 24 буквой «в», стр. 33, рис. 30; на стр. 61, рис. 63, дана эта же кладка на ядре башни Зенона со стесанными рустами; стр. 70, рис. 71²). Эта кладка положена была не прямо на скале, а на бугре, смешанном с глиной, которая представляла собой хорошо промытую и отмученную желтовато-серую массу. На бугре выстилался стилобат из камней, неровных внизу, но тщательно выравненных в своей верхней части для приема первых камней стены. Все это показано на рис. 2 (табл. IV) в моей статье, помещенной в сборнике «АНИОН», — «История техники».

Но не всегда под кладкой стены мы видим фундамент из бута. Там, где это было возможно, древние строители высекали в скале соответствующее ложе и на нем прямо клали камни стилобата. Такая кладка, современная только что описанной, встречается на тех же частях стены, но с внешней стороны. Возможно, что первая кладка строителям показалась не совсем подходящей в отношении прочности. На куртине 16 мы видим кладку только «кордонами на ребро». Эта кладка отличается от первой только отсутствием ряда плашмя положенных плит, но в остальном ничем не отличается от разобранной выше системы «кордонами на ребро, плитами на образок». Примеры этой кладки мною приведены в «Стенах Херсонеса», ч. II, стр. 13, рис. 6; стр. 14, рис. 9; стр. 15, рис. 10; стр. 18, рис. 13.

Третья система кладки названа А. Л. Бертье-Делагардом (ИАК, вып. 21) «логом и тычком»: тщательно обтесанные, без рустов,

¹ Б. В. Фармаковский, Ольвия, М., 1915, стр. 12, там же и фотография стены (оттиск из «Экскурсионного Вестника»).

² Эта же кладка имеется на западе, см. фотографии № 4.

иаменные брусья, длиной 1,85 м, шириной и высотой 0,38 м, того же известняка сарматского яруса, положены различными своими частями по отношению к линии стены. Так, одни камни лежат вдоль линии стены своими длинными сторонами, другие—короткими, правильно чередуясь друг с другом (как кирпичи). Все камни положены насухо и имеют пироны в форме хвостов ласточек.

Всюду, кроме кладки „логом и тычком“ на куртине 19, мы видим средние лицевые части камней необработанными, и только с трех сторон стесаны кромки. По объяснению специалистов-архитекторов П. И. Голландского и Б. Н. Засыпкина перед нами определенный технический прием: края зеркала стесывают для наилучшей пригонки плиты. Верхняя часть края не так нужна, не нужны и средние части зеркала. По-настоящему, конечно, они должны быть стесаны (как в ядре башни Зенона), но в силу ряда причин, прежде всего стоимости этой дополнительной работы, последняя так и осталась невыполненной. Предположение, что эти русты могли сделать поверхность стены более устойчивой к ударам таранов, ни на чем не основано¹. Против этого предположения говорят знаки каменотесов, имеющие большое значение для датировки стен. Эти знаки представляют собою буквы греческого алфавита. Они изображены на стр. 93 (рис. 14) вып. 2 ИАК и оттуда перепечатаны мною в „Стенах Херсонеса“, ч. I (рис. 31). По авторитетному мнению акад. В. В. Латышева, эти метки встреченные на 39 камнях, могут быть по палеографическим особенностям датированы IV в. или концом V в. до н. э.² По-видимому они были нужны для производства расчета с рабочими, работавшим сдельно. Наличие этих знаков на рустах показывает, что русты были предназначены к стеске.

Третья система кладки, которую можно назвать мелкой брусковой кладкой „логом и тычком“ со стесанными рустами, применена на куртинах 19 и 20 древнегреческих стен Херсонеса. Длинные концы брусьев сходятся внутри стены, чем достигается большая прочность. Незаметно, чтобы камни притесывались на месте. По-видимому, они заранее вырезывались по определенному размеру и клались, как кирпичи. Пироны были в форме хвостов ласточки. Эту кладку следует датировать несколько позже двух первых, а именно, первой половиной III в. до н. э. Ей современно ядро башни Зенона.

Археологические раскопки Ольвии и во многих местах Греции и Малой Азии дают возможность найти аналогии всем херсонесским кладкам, что и было сделано в ч. I „Стен Херсонеса“. Не распространяя об этих аналогиях (отсылаю интересующихся к вышеуказанной работе), можно заключить, что первые две кладки должны быть отнесены еще к классическому строительству IV в. до н. э., а третья—на 150 лет позже.

Толщина крепостных стен, по Филону, должна быть 10 локтей т. е. 4,62 м. Херсонесские древнегреческие стены имеют толщину в 3,25 м, что несколько не соответствует древней традиции. Но это

¹ Филон советовал оставлять на зеркале камней что-то вроде шишек для противодействия ударам стенобитных боевых машин (1,22). Но это ничего общего не имеет с рустами, которые всего на 1 см выдаются над кромками стены.

² См. „Стены Херсонеса“, ч. I, стр. 54, сл. О мнении В. В. Латышева ИАК вып. 2, стр. 35, прим. I. Знаки каменщиков имеются в Тезейоне в Афинах. Эту кладку в Херсонесе (куртина 18) как имеющую свои характерные особенности (крупные камни, положенные, как в кирпичной кладке) мы должны выделить в особую систему херсонесских кладок. Только на ней мы видим знаки каменотесов.

толщина была вполне достаточна на первое время, когда врагами Херсонеса были слабые в военном отношении тавры.

Длина куртин первоначально была очень большой. Так, расстояние между башнями XIV и XVI (башня XV относится к более позднему времени)—96 м, причем куртина идет прямолинейно. Здесь нарушено требование древней фортификации—отсутствует идея бокового обстреливания куртины с башен. И недаром мы здесь видим следы пролома тараном (на его месте впоследствии построили полукруглую башню XV). Такое же нарушение древней фортификационной традиции мы наблюдаем на западе, где древнегреческая стена почти без изломов и башен прямо идет к морю. Затем, как правило, не выполняются требования Филона (1,39) не связывать крепостную стену с башнями. Мы всюду видим (башни XIV, XVI, XVII, XVIII), что кладка стен сделана в переплет с кладкой башен.

Херсонесские строители также не всегда придерживались древнего правила устройства крепостных ворот и калиток. Уже в Тиринфе мы видим, что ворота и подход к ним устроены так, чтобы правая, не защищенная щитом рука нападающих была под ударом защитников башни. Это ясно сформулировал Витрувий (1, 5, 2): „Главным же образом,—говорит он,—следует заботиться о том, чтобы подход к стене при нападении был нелегким, для чего обводить ее по краю кручи с таким расчетом, чтобы дороги к воротам вели не прямо, а слева. Ибо, раз это будет сделано так, то нападающие окажутся обращенными к стене правым боком, не прикрытым щитом“. В Херсонесе ворота куртины 16, если предположить наличие древней протей-хизмы, отвечают этому требованию; правильно устроены и калитки возле башен V и XVII. В то же время ворота возле башен I, IV, XVI расположены неправильно.

Отсюда следует, что строителям укреплений Херсонеса, несомненно, были известны правила античной фортификации, но они не всегда их соблюдали, так как, вероятно, учитывали слабость в военно-техническом отношении своих основных врагов—тавров.

Схема датировки ранних кладок стен Херсонеса представляется в следующем виде:

Кладка „плашмя квадры“ (у ворот „Е“ на куртине 17)—350 года до н. э.

Кладка „кордонами на ребро, плитами на образок“ (древнейшая стена на юго-восточном участке и западе городища)—около 350 года до н. э.

Блоки со знаками каменотесов (куртина 18)—400—350 гг. до н. э.

Кладка „логом и тычком“ (куртина 19)—300—250 годов до н. э.

Ядро башни Зенона и связанная с ним стена (куртина 20)—300—250 годов до н. э. Со строительством 19 и 20 куртин и башен XVII и XVI^a можно связать данные надписи в честь Агасикла, сына Ксения, о строительстве цитадели.

Глава I

ЮЖНЫЙ УЧАСТОК ОБОРОНЫ ХЕРСОНЕСА

Южный участок обороны Херсонеса, от башни VI до башни XIV включительно, в настоящее время, как сказано выше, засыпан. В конце прошлого века здесь вело строительство военное ведомство. Этими работами ведали военный инженер Гарабурда, который издал матери-

алы об открытых им стенах и башнях в № 43 „Известий Таврической ученой архивной Комиссии“, и военный инженер А. Л. Бертье-Делагард, упоминающий об этом в работе „Раскопки Херсонеса“ („Материалы по археологии России“, № 12) и в исследовании „О Херсонесе“ (ИАК, вып. 21). Мы этих стен не видели и говорим о них главным образом на основании исследований Гарабурды и Бертье-Делагарда.

Южный участок обороны, правда, не весь, шел по кромке обрыва, находящегося к югу от херсонесского городища, и был хорошо защищен „природой места“. Впереди линии обороны, в противоположность юго-восточному участку, была низина, так что стены и башни господствовали над окружающей местностью. Этим объясняется то, что не было даже в последующее время нужды в дополнительной передовой стене—протейхизме¹ и куртины 10—13 не имеют второй стены.

Южный участок охватывает 9 куртин, 9 башен и двое ворот. По счету Бертье-Делагарда (см. табл. II в вып. 21 ИАК) это куртины 7—15 и башни VI—XIV; ворота находятся на куртине 9 („С“) и на 14 куртине („Д“). Южный участок делится на два отрезка: западный (куртины 7—9) и восточный (куртины 10—15).

Западный отрезок расположен на опасном в смысле обороны перешейке, который соединял пригород, где находился Херсонес, с окружающей возвышенностью. Поэтому здесь была усилена вся система обороны. Здесь же находились одни из главных городских ворот, через которые проходила в город водопроводная магистраль. Башня V—VII с куртинами 7—9 запирала эту самую важную сторону—перешеек. Этому фронту древние строители придавали большое значение, поэтому башни поставлены особенно близко; на протяжении всего 115 м мы видим четыре башни, а если исключить занятое ими пространство, то на каждую куртину приходится только 30 м. Боевая стена имела здесь наибольшую толщину—около 4,40 м. Она вся каменная, с облицовкой. К сожалению, о системе кладки мы ничего сказать не можем. Одно только можно утверждать: в своей основе она должна была восходить к древнегреческой стене IV в. Высота ее, вероятно, была не менее 9—10 м. Бертье-Делагард дает приблизительно реставрацию стены².

Башня VIII сильно отличается от других башен. Внутри она круглая, а снаружи 12—14-гранная. Ее диаметр—11 м. Главная особенность башни состоит в том, что она выдвинута из линии обороны и связана со стеной особым проходом³. В его стене была устроена узкая калитка, предназначенная, по-видимому, для возвращавшихся с вылазок, что вполне согласуется с указаниями Филона (1, 25, 26). Эта калитка выходит в перибол.

Надо сказать, что на территории куртин 7—9 имеется протейхизма, очевидно, более поздней постройки. В этом месте протейхизма была особенно необходима. Передовая стена огибает круглые башни V и VIII и идет прямой линией по фронту куртин 7—9 на расстоянии 11 м от них.

Особый интерес представляют промежуточные прямоугольные

¹ Протейхизма относится, по-видимому, к эпохе усиления линии обороны при имп. Феодосии (384—395). Это доказывается тем, что ее фундаменты на куртинах 16 и 19 были положены глубоко в искусственной насыпи нероновского времени. т. е. стена была построена после искусственной засыпки перибола, но еще в эпоху бытования античных традиций: фундамент протейхизмы доходит до скалы.

² ИАК, вып. 21, рис. 21 на стр. 132.

³ Там же, рис. 22 на стр. 133.

башни VI и VII. Башня VI особенного вида: квадратная, с утолщенной лицевой стеной, очевидно, для лучшего сопротивления ударам стенобитных орудий. Судя по ее плану¹, она заполняла весь перибол и примыкала непосредственно к протейхизме. Из этого явствует, что башня старше протейхизмы, иначе не для чего было делать утолщенной ее переднюю стену. Башня соединялась с куртиной узким проходом, из которого, по предположению Бертье-Делагарда, были выходы в перибол, но они не сохранились или не были замечены Гарабурдой. Дело в том, что от этой башни сохранились только низы подвальных ярусов.

Башня VII представлена на чертежах Гарабурды в виде прямоугольника с полукругом, нечто вроде плана башни XV с ее разновременными частями. Можно предполагать, что башня VII должна была быть похожа на башню VI. Все это теперь совершенно уничтожено. Наличие передовой стены говорит о том, что перед основной стеной не было никакого рва.

Между башнями VII и VIII находились, судя по местоположению, главные ворота Херсонеса. В самом деле, отсюда шла ровная дорога к укрепленным владениям херсонеситов на Гераклейском полуострове, здесь же пролегла двойная водопроводная магистраль. К сожалению, мы очень мало знаем о воротах. Правда, они изображены на рисунке 20 в книге П. И. Сумарокова „Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду“, изданной в Петербурге в 1803 году. Ворота были покрыты сводами и, по-видимому, имели коридорообразное устройство, проходя через перибол.

Далее боевые стены идут по довольно крутому, обращенному к югу склону, который давал сам по себе хорошую защиту. Поэтому стены на этом участке тоньше и куртины длиннее. Так, куртины 10, 11 и 12 имеют по 50 м в длину каждая, а куртина 13 даже около 110 м. Эти куртины имели небольшие прямоугольные башни. Впрочем, весь этот участок совершенно не исследован и может считаться погибшим для науки. Только случайные раскопки при военных работах 1876 и 1893 годов позволили Бертье-Делагарду дать приблизительный разрез этих куртин².

Начиная с башни XII вся дальнейшая линия вплоть до известной уже нам башни XIV у древнегреческих ворот была исследована Косцюшко-Валюжиничем в 1903³ и 1904 годах⁴. Башня XII чрезвычайно близка по размерам и кладке к башне XIV⁵. Несомненно, она может быть датирована эпохой имп. Феодосия или позже, внутри башни XIV была найдена херсонесская монета Юстиниана I (VI в.)⁶.

Сама стена, вернее, ее нижняя, сохранившаяся часть, построена в древнегреческое время. Мы видим здесь хорошо знакомую нам эллинистическую кладку кордонами с рустами, с индивидуальной обработкой каждого камня. Фотографии этой кладки помещены на стр. 66—68 ИАК, вып. 20, и на стр. 52 ИАК, вып. 16. Совершенно очевидно, что эту стену мы должны датировать серединой или второй половиной IV в. до н. э.

¹ ИАК, вып. 21, рис. 23 на стр. 134.

² Там же, рис. 24 на стр. 135.

³ ОАК за 1903 г., ИАК, вып. 16, стр. 43, сл., табл. II и VII (кратер).

⁴ ОАК за 1904 г., ИАК, вып. 20, стр. 59, сл., табл. IV.

⁵ ИАК, вып. 20, рис. 39 на стр. 73.

⁶ Там же, стр. 70. Монета найдена в засыпи башни и не может быть датировочным указателем для времени сооружения башни. Известно, однако, из сочинения Прокопия („О постройках Юстиниана“), что Юстиниан приказал реставрировать херсонесские стены, пришедшие в ветхость.

Несколько неясным остается вопрос о башне XIII. Она стоит у поворота стены на юго-восток (см. табл. II и III в вып. 16 ИАК). К сожалению, на табл. II в вып. 21 ИАК, т. е. на плане Бертье-Делгарда, поворот стены совсем не обозначен. Эта полукруглая башня целиком не исследована, так как над ней построена монастырская гостиница, а то, что было открыто (западная половина), показывает, что здесь также, несомненно, имеется древнегреческое ядро с позднейшими наслоениями. Эти последние (кольца) весьма напоминают, судя по фотографии на стр. 51 ИАК, вып. 16, второе кольцо башни Зенона. По своему положению у поворота стены эта башня идентична с башней V в западной линии обороны, о которой речь будет идти в следующей главе.

На куртине 14, между башнями XII и XIII, находятся одни из главных ворот Херсонеса, т. е. одни из трех, нам известных в южной части крепостной огады. Эти ворота показаны довольно хорошо на табл. II („Ж“) и III („Е“) в вып. 16 ИАК. К сожалению, Косцюшко нигде не дает их фотографий, а впоследствии ворота были засыпаны монастырем. Судя по планам, они построены в системе дипилона, т. е. так же, как древнегреческие, описанные нами в вып. I „Херсонесского сборника“, ворота на куртине 16, но с тою разницей, что в них коридор выступает не внутрь линии обороны, а снаружи ее, еще более напоминая этим ворота Трои. Длина их коридора по плану 9 м, ширина прохода 5 м, толщина пилонов 2 м. На плане первый запор показан на расстоянии 2 м от наружного входа. Место второго запора не обозначено. Следует думать, что ворота восходят к тому же древнегреческому периоду, что и стена. За это говорит правильное с точки зрения античной полиоркетики расположение ворот относительно башни XIII, т. е. слева от нее для входящего в город.

Следует прибавить, что башня XII, может быть, восходящая также к греческому времени¹, позже была включена как составная часть в протейхизму, которая начинается от этой башни. Наличие передовой стены усиливало защиту ворот, так как подходить к воротам надо было по довольно глубокому периболу под ударами защитников с обеих сторон.

Глава II

ЗАПАДНАЯ ЛИНИЯ ОБОРОНЫ ХЕРСОНЕСА²

Западная часть Херсонеса стоит на небольшом скалистом пригорке, за которым следует довольно крутой спуск к балке, переходящей в Песочную, или Херсонесскую, бухту. Здесь имеются две линии обороны: первая относится к древнегреческой эпохе, вторая—ранневизантийского времени. Кроме того, почти на всем протяжении имеется более поздняя передовая стена.

¹ Доказательств прямых этому нет. Однако в греческое время здесь предположительно должна была находиться башня, так как иначе куртина была бы непомерно длинной, что не вяжется с идеей бокового обстреливания.

² ОАК за 1913—1915 гг., стр. 60, сл. Более поздние раскопки, за исключением моего расследования западной стены у обрыва берега (к востоку от Западной базилики) и раскопок Г. Д. Белова в 1948 г., не изданы. Моя разведка в 1928 г. опубликована в журнале „Крым“ за 1929 г. Западные стены копали: Р. Х. Лепер, Л. А. Моисеев, М. И. Скубетов; я и Г. Д. Белов—наружную линию стены. Лепер вскрыл перибол и протейхизму (1911—1914); Моисеев (1920—1922) производил разведку древне-

Познакомимся сначала с первой линией обороны. Руководствоваться мы будем планом Бертье-Делагарда, приложенным к вып. 21 ИАК (табл. II), откуда возьмем нумерацию куртин и башен, планом, приложенным к ОАК за 1913—1915 гг. (к стр. 50—табл.), планом Херсонесского городища, изданным Л. А. Моисеевым в 1923 году, а также нашим планом оборонительных сооружений. План А. Л. Бертье-Делагарда неточен, и детали приходится брать из других планов¹.

Начинаем наше ознакомление с куртины 7-й, т. е. с того места, где начинается стена, уцелевшая после военно-строительных работ конца XIX в. Здесь же, в непосредственной близости от ныне существующих древних ворот, находятся жалкие остатки—только фундаменты—очень интересного здания ранневизантийской эпохи (VII—VIII вв.), так называемого четырехапсидного здания. Поскольку западная часть Херсонеса мало изучена, нам поневоле придется касаться здесь не только остатков древнегреческой эпохи, но и всех последующих эпох.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ СТЕНА С БАШНЯМИ

Стена древнегреческой эпохи имеется на куртинах 8, 7, 6, 5 и 5а. Нас поражает ее прямолинейность: немного ломаясь у башни V, она идет прямо на север. Число башен древнегреческого периода точно установить нельзя, так как после постройки более поздних куртин (4—1) куртина 5а была разрушена. Разведки Л. А. Моисеева в 20-х годах дали в северной части чуть заметные следы древней стены. Мои разведки 1928 г. открыли место выхода стены к морю и дали направление стены восточнее большой (Западной) базилики. Даже фундаменты древнегреческой стены были вынуты уже в древнее время. Следов башен на куртине 5а не сохранилось, но теоретически нельзя допустить, чтобы вся эта часть стены, длиной около 270 м, была лишена башен. Их должно было быть, по крайней мере, две, а то и три. Если же мы примем за основание расстояние между древнегреческими башнями V и IV (последняя четырехугольной формы), которое равно 50 м, тогда от башни IV до моря мы должны предположить еще пять—шесть башен, что, вероятно, и было на самом деле.

Следует обратить внимание на прямолинейность этой древней стены. Вообще мы нигде в Херсонесе не видим в линии древнегреческой обороны резких изломов. По-видимому, идея бокового обстреливания с косых куртин еще не была разработана в эту эпоху (IV в.).

греческой стены на севере (места разведок отмечены в изданном им цветном плане Херсонесского городища работы П. И. Голландского, Севастополь, 1923). Скубатов исследовал место притыка византийской стены к древнегреческой (не издано). Я в 1929 г. раскопал померий—улицу, шедшую с внутренней стороны древнегреческой стены, т. е. вскрыл внутренний фасад последней. Выход ее на севере я обнаружил в 1928 г. в обрыве берега. В 1948 году Г. Д. Белов копал 1-ю и 2-ю куртины (см. МИА, № 34, стр. 231, сл.). Данная глава представляет собой первую попытку изучить историю сооружения западной части оборонительных стен Херсонеса. Однако многие выводы нуждаются в проверке на месте путем дополнительных разведок. Это тем более необходимо, что работа А. Л. Бертье-Делагарда (ИАК, вып. 21, стр. 128, сл.) совершенно неудовлетворительна.

¹ Можно назвать эскизные планы, приложенные к путеводителю по Херсонесу, изд. 1926 г., план, приложенный ко второму изданию того же путеводителя (1928), а также план, приложенный к путеводителю по Херсонесу, составленному Г. Д. Беловым (1936). Следует упомянуть также план в работе Minns *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913.

Ее заменяла идея защиты стен с прямоугольных и круглых башен. Точно такую же длинную прямолинейную куртину (16—17) мы видим на юго-восточном участке Херсонеса. Она была в древнегреческое время одним пролетом между башнями XIV и XVI, т. е. имела протяжение около 110 м, и только после того, как тараны Палака прорвали эту стену, ее разделили на два отрезка сооружением добавочной башни XV на месте пролома.

Таким образом, наличие на западе Херсонеса греческой стены идущей без излома 270 м, считая от V башни до моря, не должно нас удивлять. Возможно, что херсонеситы считали в IV в. до н. э. этот участок обороны менее опасным. Так, например, понимает это А. Л. Бертье-Делагард. „Западная сторона,— говорит он,— наиболее обеспечена местностью, и подступы к ней неприятеля наименее вероятны; это понималось, а потому и ограда с этой стороны делалась относительно слабее“¹. Правда, Бертье-Делагард здесь имеет в виду более поздние стены, но его слова вполне приложимы и к стене греческой эпохи. Хотя оборонительная стена этой эпохи и проходила собственно говоря, не по краю пригорка, как более поздняя линия обороны, а по совершенно открытой местности, перед спуском в балку, но Херсонес в то время не предполагал иметь здесь перед собой серьезных врагов: низкий уровень военной техники полудиких тавров был ему хорошо известен.

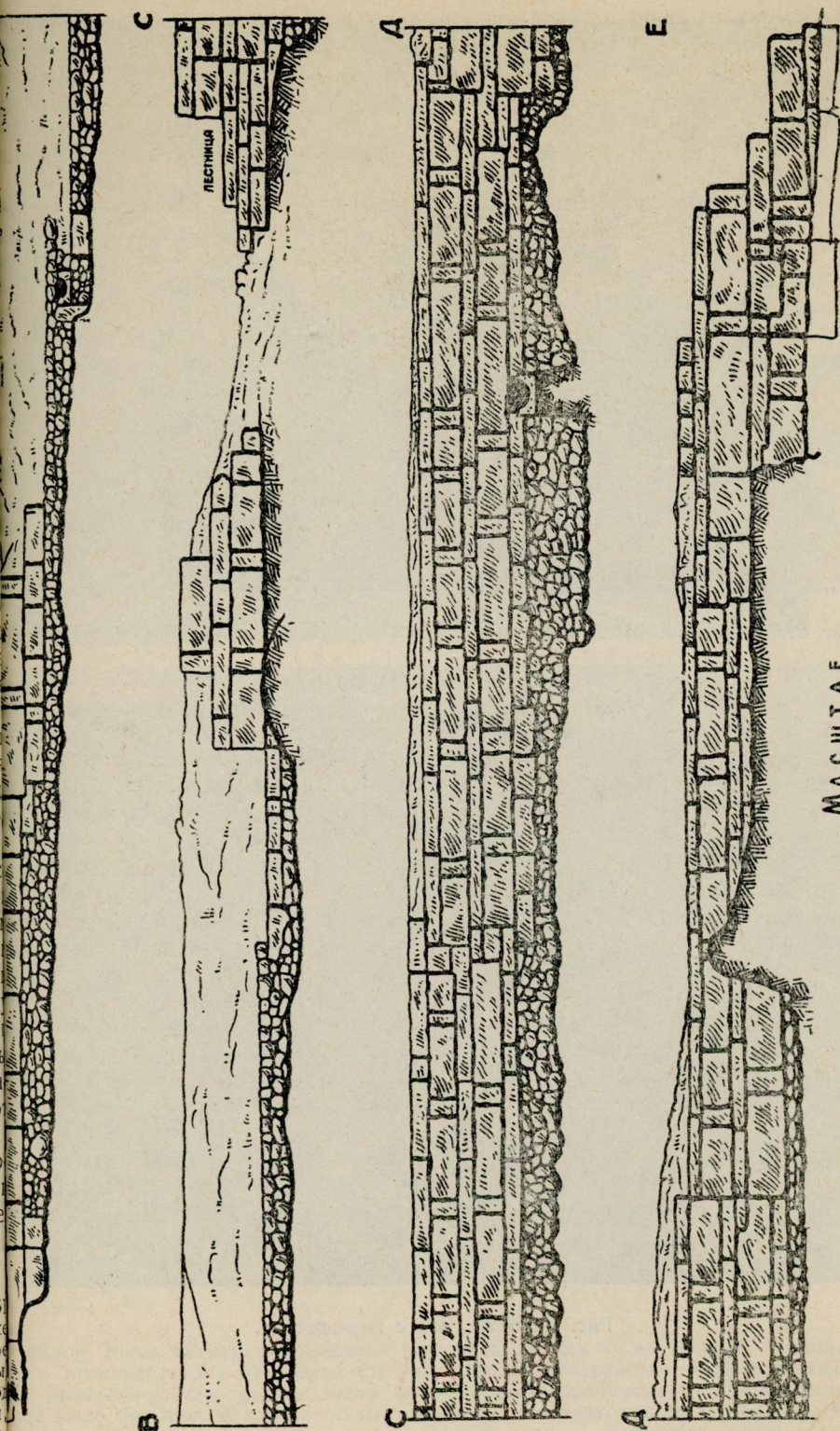
Толщина древнегреческой стены всюду одинаковая—3,20 м. Построена стена по уже известной нам системе кладки „кордонами на ребро плитками на образок“. Встречается также прекрасная кордонная кладка близкая к кладке на куртине 15 (слева от башни XIV) и возле древнегреческих ворот на куртине 16. Все камни прекрасно отесаны математически точно пригнаны друг к другу, причем всюду господствует не стандарт, а индивидуальная обработка каждого камня. Прилагаемый масштабный чертеж и фотографии внутреннего фасада стены, открытого в 1929 году, дают полное представление об этой кладке середины или второй половины IV в. до н. э.

А. Л. Бертье-Делагарду вся западная греческая стена оставалась неизвестной и вот почему. На куртинах 6—5 сверху древнегреческой стены находились стены римской и византийской эпохи. По словам Бертье-Делагарда, „куртины 5 и 6 скрыты совершенно военными работами, но от них сохранились довольно подробные рисунки“. Он опубликовал свою работу о крепостной ограде Херсонеса в 1907 году (ИАК, вып. 21), а в 1908—1914 годах Р. Х. Лепер производил раскопки в этих местах большие раскопки, которые дошли до скалы и обнаружили наружные нижние ярусы стен, которые Бертье-Делагард считал уже уничтоженными. А эти нижние ярусы стен давали кладку древнегреческой эпохи².

Древнегреческая стена на западе Херсонеса открывает нам некоторые интересные новые данные. Дело в том, что она на протяжении куртин 6 и 5 идет почти по обочине крутого склона вниз к балке.

¹ ИАК, вып. 21, стр. 128—129.

² См. рис. №№ 4—10 и текст к ним в ОАК за 1913—1915 гг. Автор на стр. сравнивает эту стену с ольвийской в Заячьей балке, хотя ольвийская стена строилась без рустов и должна быть датирована V в. до н. э.; ИАК, вып. 21, стр. 130. Считалось, будто Херсонес в древнегреческое время только начал возводить стены, а потом их бросил, и город до эпохи Нерона обходился без стен, Бертье-Делагард обосновал тем, что нигде, кроме юго-восточного участка, нет древнегреческих стен. Раскопки Лепера 1908—1914 гг. это положение опровергли. Приходится сожалеть, что Бертье-Делагард позже не пересмотрел этого вопроса.

МАСШТАБ

1 0 1 2 3 4 5 м

Рис. 1. Внутренний фасад куртины 5.

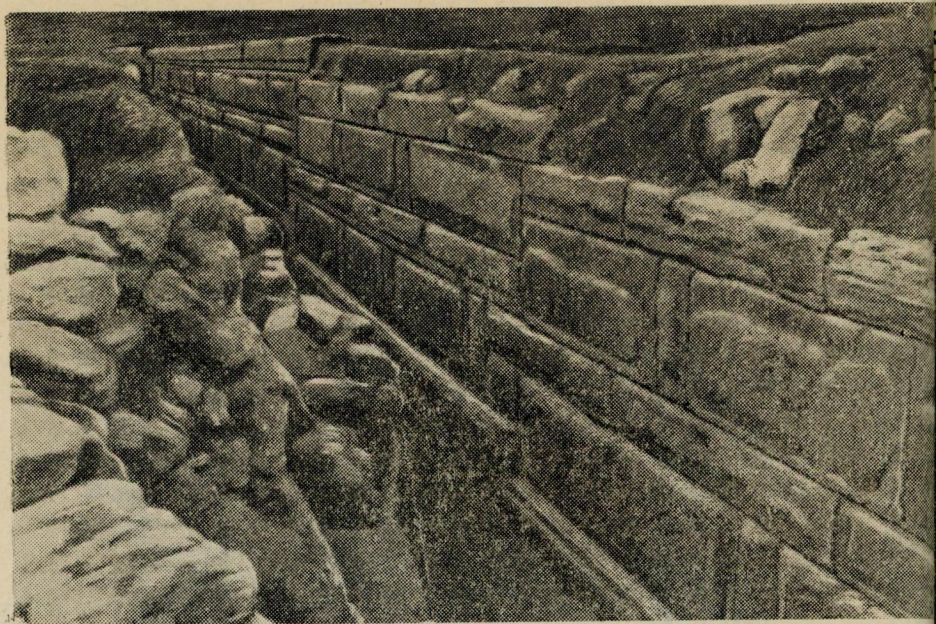

Рис. 2. Внутренний фасад куртины 5 (раскопки 1927 г.) Вид с северо-востока.

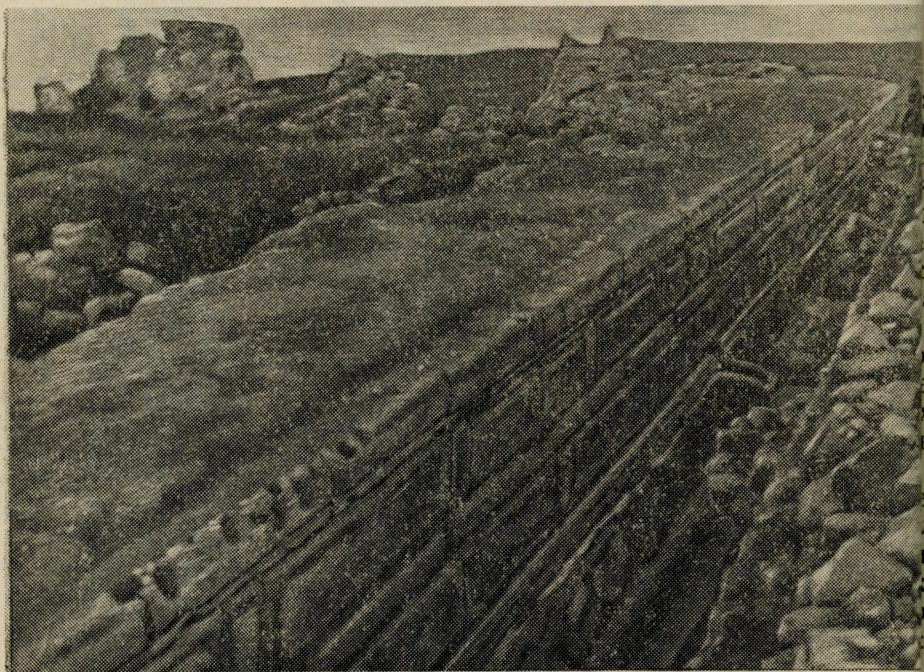

Рис. 3. То же. Вид с юго-востока.

Поэтому строитель должен был озаботиться спуском дождевых и других вод, так как стена являлась для них искусственной преградой. Раскопки 1922 года, раскрывшие внутренний фасад стены, с несомненностью доказали, что в античное время с внутренней стороны крепостной стены шла улица, которую римляне называли *romaeum*¹.

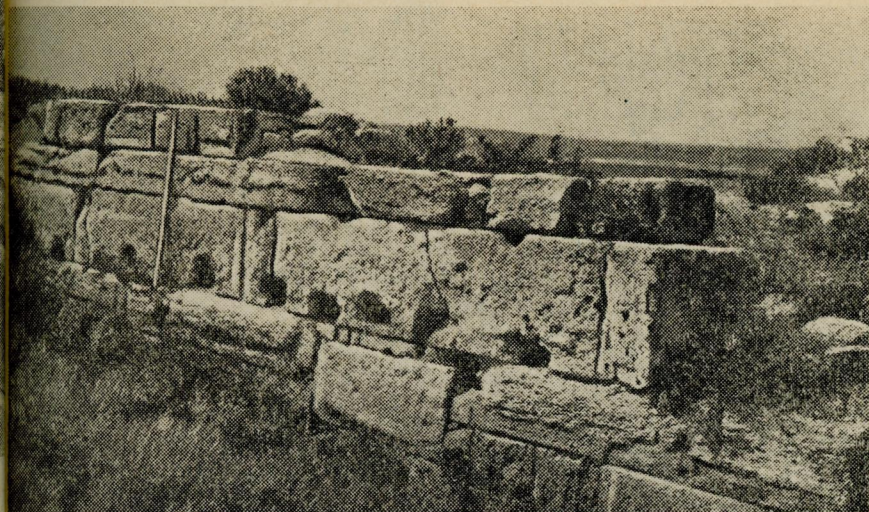

Рис. 4. Внутренний фасад западной стены до раскопок 1929 года.

Вдоль стены внизу был проложен водосток, сделанный из каменных, точно обработанных плит, поставленных стоймя. Через определенные промежутки в стене устраивался водослив. Имеются следы водосливов, проходящих под стеной. Они изображены на фотографиях стены. Рис. 6 показывает нам, кроме того, желоб водослива во всю ширину куртины 5а, где еще в древности была разобрана стена римского времени. Строитель отнесся с большой предусмотрительностью к возможному засорению водосливов, поскольку они наглухо закрывались в нижнюю часть стены: около водоотливов с внутренней стороны стены сделаны водоотстойники в виде больших четырехугольных каменных ящиков, открытых в 1929 году. Канал водостока имеет в ширину 0,65 м, в высоту 0,70 м (средняя высота оборонительных стен — до 3 м). Местами на стенках заметны какие-то отложения бурого цвета.

Наружный фасад древнегреческой стены сохранился гораздо хуже. Из-за покатости скалы, не могло быть того векового напыления мусора, который уже в раннеримское время, судя по раскопкам 1929 года, закрыл весь фасад древнегреческой стены и этим преградил ее от перестроек и расхищения, хотя и на очень коротком расстоянии куртины 5. На куртине 6 древняя стена чрезвычайно пострадала и с внутренней стороны (рис. 7) и с внешней. В силу

¹ Филон Византийский рекомендует оставлять у стен с внутренней стороны такое пространство в 60 локтей (27,7 м). Какое пространство было оставлено у крепости у стен, мы не знаем ввиду неисследованности места. Значение пространства было большое. В случае осады возле стен сосредоточивалась напряженная деятельность вооруженных граждан, защищавших стены. Вырывали также ров, о котором говорит Филон (1).

указанной причины наружный фасад сохранился гораздо хуже, несет на себе следы многочисленных заплат и коренных переделок. Наружный фасад был сложен насухо, как и внутренний, но в простой кордонной кладке, которая, по-видимому, считалась прочнее красивой и нарядной кладки „кордонами на ребро, плитам

Рис. 5. Общий вид внешнего фасада куртины 5.

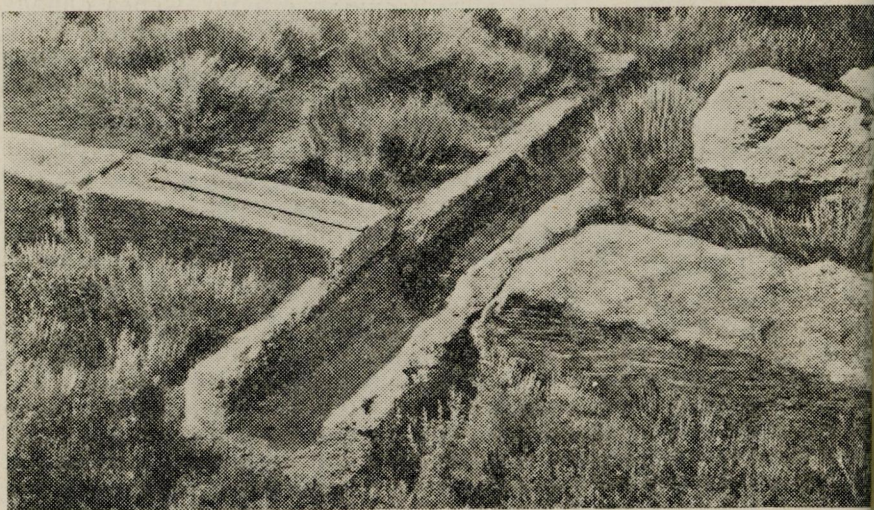

Рис. 6. Водосток в древнегреческой стене к северу от стыка со средневековыми стенами.

обрезок“. Образцы основной кладки нам дают рис. 9, 9а, 10 (в последнем—только два нижних ряда).

Любопытно сравнить в отношении кладок древнегреческие Херсонеса и Ольвии. В то время как в Ольвии красивая кладка „кордонами на ребро, плитами на образок“ употреблена в качестве ли-

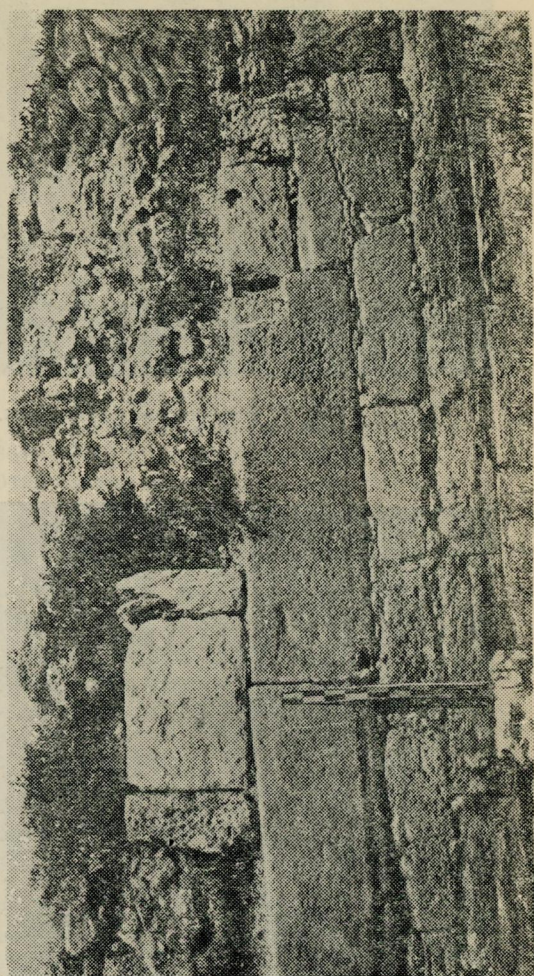
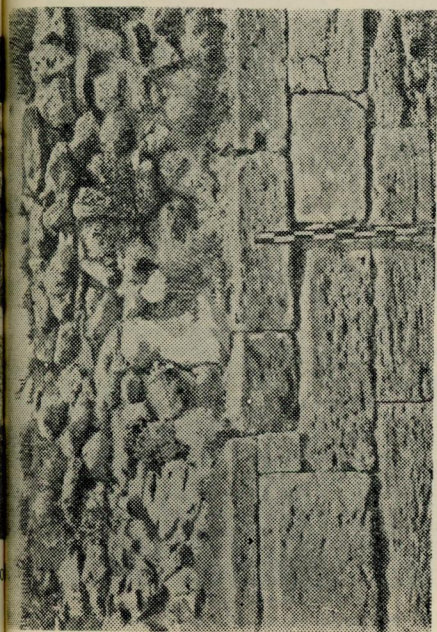

Рис. 9, 9а, 10. Участки внешнего фасада куртины 5. Вид с запада.

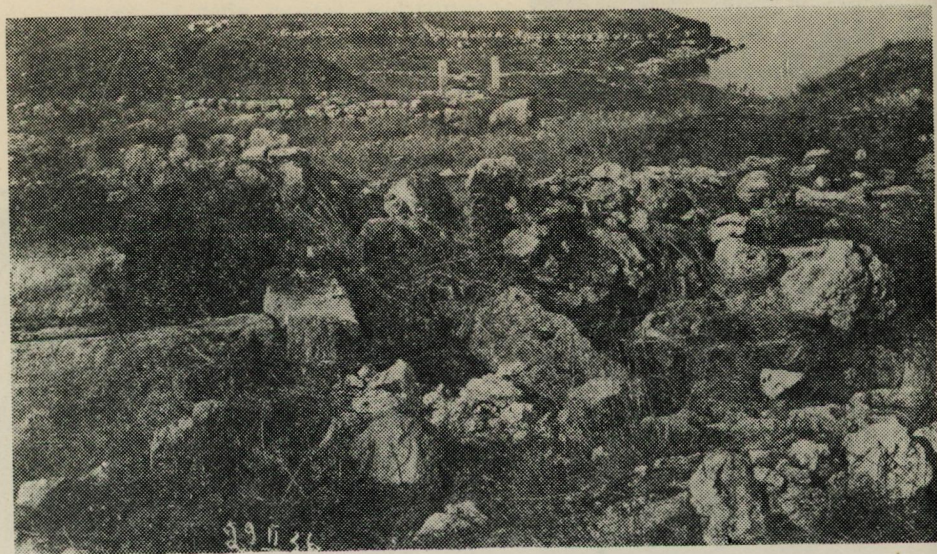

Рис. 7. Внутренний фасад западной древнегреческой стены.

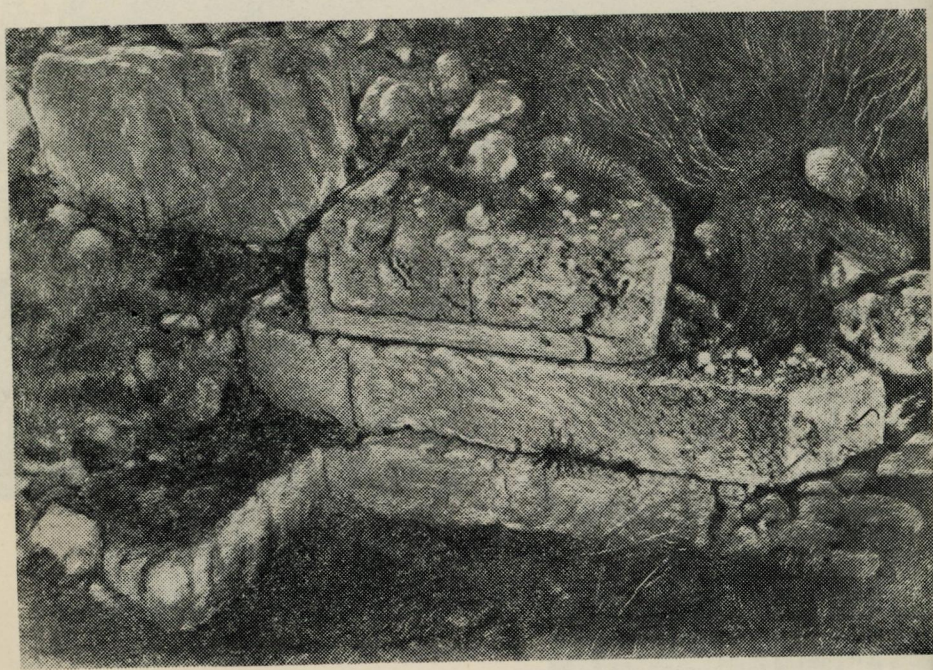

Рис. 8. Желоб в стене.

наружной кладки, в Херсонесе мы видим ее почти только на облицовке внутренних сторон стены. По-видимому, это явление не случайного порядка: херсонесские строители предпочитали наружную облицовку делать не столько красивой, сколько прочной, применяя более красивую декоративную кладку только на внутренней облицовке стен¹. Возможно, что был учтен и боевой опыт Ольвии, тем более, что эти полисы имели связь друг с другом, а ольвийская стена более чем на сто лет древнее херсонесской.

По нижеприведенным рисункам 9, 9а и 10 (справа за поперечной стеной) читатель может познакомиться с современным состоянием наружного фасада древнегреческой стены. На рисунке мы видим даже как будто следы вышеупомянутой декоративной кладки „кордонами на ребро, плитами на образок“, хотя я склонен видеть здесь исправления раннеримской эпохи, когда старались подражать древней кладке. Так, если мы сравним кладку на рис. 9а, где каждый камень имеет свое индивидуальное лицо и дышит своеобразной прелестью, с верхними рядами кладки, где камни трактованы безжизненно-сухо, можно сказать безлично, — эта разница в кладках особенно ярко бросится нам в глаза. Кроме того, мы видим следы многочисленных более поздних поправок, так как на куртинах 6 и 5 все эпохи напластовывались друг на друга.

В древнегреческое время стена не имела ни перибола, ни протейхизмы. Впереди стены пространство было занято некрополем, начиная с древнейшего времени. В ранневизантийскую эпоху впереди греческой стены были построены две протейхизмы и выкопан ров. Между этими стенами Р. Х. Лепер раскопал некрополь, принадлежавший разным эпохам. ОАК за 1913—1915 гг. на стр. 65 говорит об этих раскопках так: „Между оборонительными стенами а, в, с оказалось тоже кладбище (погребения №№ 1—22). Здесь могилы или вырубные в скале и перекрытые плитами, или сложенные из каменных плит, иногда из черепицы (рис. 11, 12, 13). В виде исключения встречались деревянный гроб в насыпи; встречались и трупосожжения в урнах. И здесь следует отметить находки сосудов и обломков, крытых красным лаком; встречались также чернолаковые черепки, много бронзовых поделок, незначительное количество стекла. Характер насыпи между стен подобный же, т. е. с преобладанием краснолаковых и различных по качеству чернолаковых обломков, но попадаются иногда краснофигурные и даже представители поздней ионийской керамики“².

К этому я должен прибавить, что в насыпи встречались в 1929 г. ионийская черепица со штемпелями Leg XI Cl, т. е. XI Клавдиева региона, части которого стояли в Херсонесе, а также во множестве ранне- и поздневизантийская поливная керамика и монеты. Видно, что, по крайней мере, полторы тысячи лет служила Херсонесу эта линия обороны на куртинах 6—5³ (с IV в. до н. э. по X—XI вв.)

Итак, древнегреческая линия обороны сохранилась здесь на протяжении 185 м, считая от места выхода из насыпи, сделанной при

¹ Ольвийская стена изображена в ОАК за 1904 г., стр. 11, рис. 6 и 7, стр. 12, рис. 9 (см. ИАК, вып. 33, стр. 113, рис. 12; стр. 116, рис. 15). См. также Л. М. Славин, Ольвия (путеводитель), Киев, 1951.

² При раскопках в 1929 г., хотя они достигли всюду скалы, не попадались ни ионийские, ни краснофигурные черепки. Однако нет основания не верить отчету, поскольку в могилах вблизи башни XII были найдены краснофигурный кратер и ионийский кувшин (№№ 1517 и 1518), о которых говорится в приложении.

³ См. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 59, рис. 88—89; приводимый ниже текст опирается на описание в этом отчете, стр. 60—65.

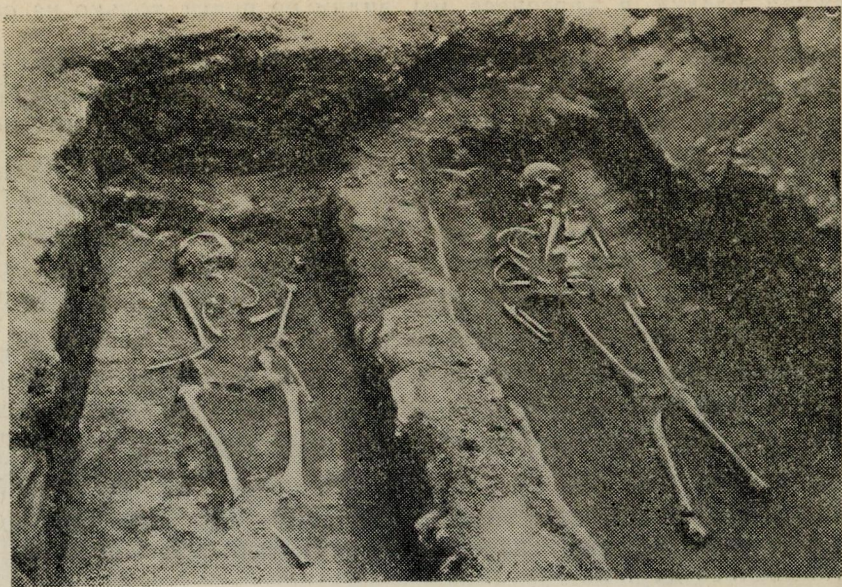

Рис. 11. Могилы в периболе у западной стены.
(Раскопки Лепера 1911 года.)

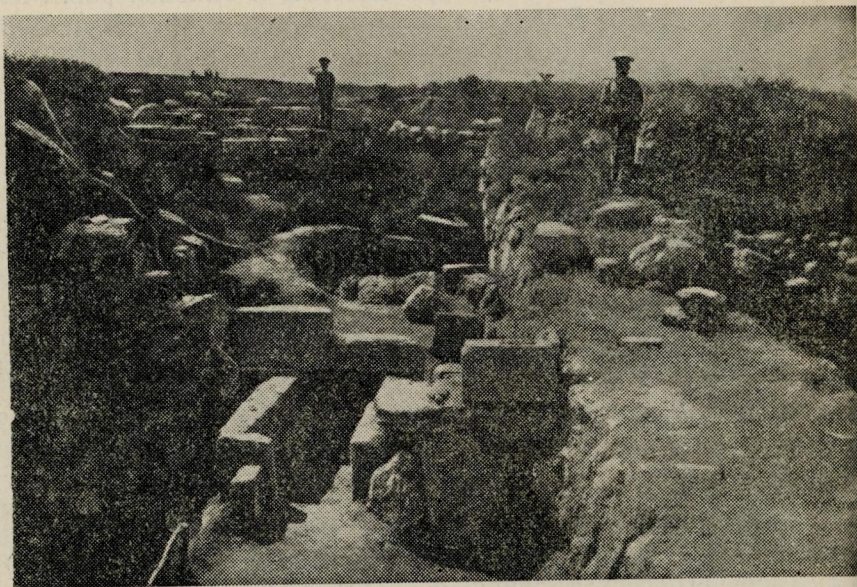

Рис. 12. Перибол к северу от башни. (Раскопки Лепера 1911 года.)

военно-строительных работах, до исчезновения фундаментов после стыка с византийской стеной; эта же греческая стена прослеживается на север до берега моря.

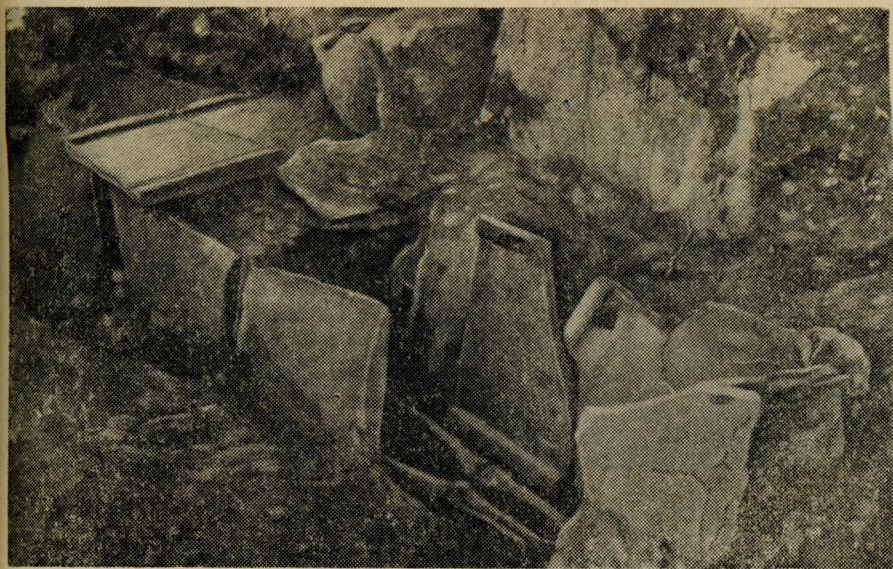

Рис 13. Могила в периболе у западной стены.
(Раскопки Лепера 1911 года.)

Теперь познакомимся с башнями, калитками и прочими сооружениями, связанными с этой стеной. Из-под упомянутой выше насыпи древнегреческая стена выходит, имея направление на С-З-С. В центре, у башни, стена делает поворот чуть-чуть на восток под углом 12° и идет прямо на С-В-С. В ОАК за 1913—1915 года (стр. 62) ошибочно сказано об отклонении стены на запад. Мы не можем сказать, ломается ли где-либо еще так стена, так как разведки Л. А. Моисеева не дали должных результатов. Возможно, пожалуй, предположить небольшой излом у юго-восточного угла Западной базилики, так как найденный конец стены у моря ближе к западу, чем следовало бы ожидать, если бы стена не имела изломов. Впрочем, это скорей догадки, чем факт.

Переходим к башне V, раскопанной Лепером с 1911 по 1914 г¹. Эта башня представляет собой довольно мощное сооружение уже римского времени, так как ее кладка связана римской цемянкой. По форме она круглая, вернее имеет $\frac{3}{4}$ окружности, примыкая впритык к кладке более древней стены. Положение башни было весьма ответственное: к югу от нее начинался ровный перешеек, соединявший скалистый пригорок крепости с внекрепостной территорией; другими словами, здесь было уязвимое в военном отношении место. Поэтому башня должна была быть особенно мощной. Кроме того, башня стояла как бы на командной высоте и господствовала над всей балкой, идущей к Песочной бухте, и над перешейком. На приведенных photographиях хорошо видно это командное положение башни.

¹ ОАК за 1913-15 гг. стр. 61. Об этой башне говорит Лепер в дневнике см. „Херсонесский сборник“, II, стр. 240).

При первом же ознакомлении с кладкой башни V обращает на себя внимание то важное обстоятельство, что сохранившийся фундамент сложен из старого, бывшего в употреблении материала: из каких-то архитектурных частей, старых греческих зданий, карнизов с тонкими

Рис. 14. Башня V и западная линия обороны.

мастерски сделанными профилями, иногда даже покрытыми полихромией. Ввиду важного значения для обороны этого места башня сплошь сделана из камня без помещения внутри. Возможно, как предполагает составитель отчета¹, что вся башня, как каменный массив

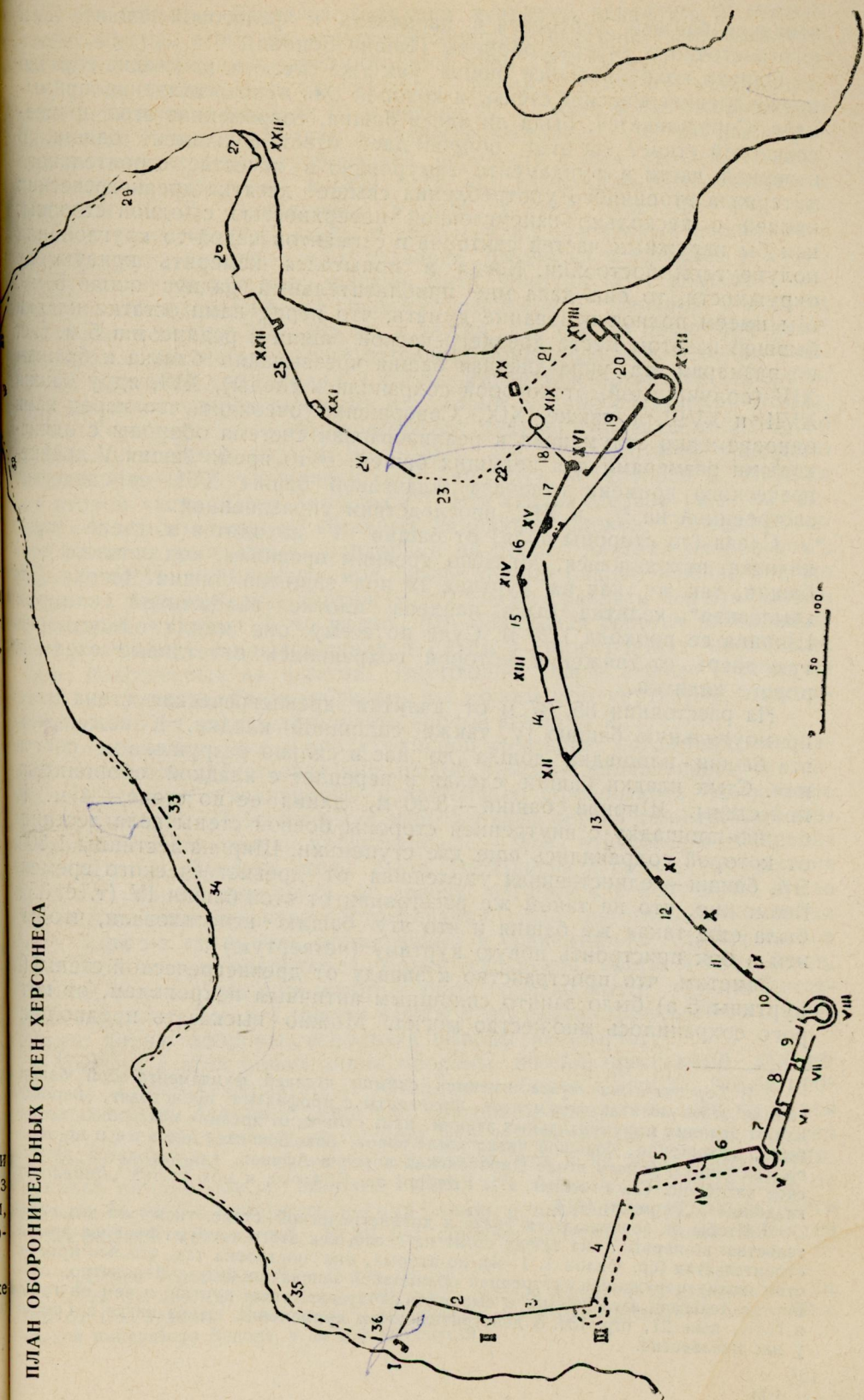

Рис. 15. Башня V.

служила „возвышенной оборонительной площадкой“. Башня в согласии с древними правилами только примыкает к оборонительной стене, опираясь на нее. Сохранившаяся высота фундамента башни всего 1,75 м. Ее радиус — 7,22 м. Ее можно по величине назвать фланговой южной

¹ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 61. Об этой башне говорит Лепер в дневнике (см. „Херсонесский сборник“, II, стр. 240).

ПЛАН ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СТЕН ХЕРСОНЕСА

западной башней Херсонеса в параллель к фланговой башне XVII юго-восточного участка обороны (башне Зенона).

Однако сохранившаяся башня, как уже сказано, по кладке гораздо позже древнегреческой стены, к которой она непосредственно примыкает. Спрашивается, была ли здесь башня, современная этой древнегреческой стене? На этот вопрос дает ответ фундамент башни. В северной части в фундаменте замуровано в качестве строительного материала вторичного употребления свыше десятка древнегреческих камней с несколько закругленной поверхностью с одной стороны, как бы наружных частей секторов и сегментов какой-то круглой или полукруглой постройки. Когда я попытался измерить кривую их окружности, то она дала мне приблизительный радиус около 5 м¹. Мы имеем полное основание думать, что перед нами остатки кладки бывшей на этом месте древнегреческой башни с радиусом в 5 м, т. е. по размерам эта упраздненная башня чрезвычайно близка к башням XIV (полукруглой, от которой сохранились следы), XVI, ядру башни XVII и XVIII, а также XIX. Совершенно очевидно, что перед нами одновременно задуманная и реализованная система обороны с одинаковыми размерами для ведущих башен. В то время башня V древнегреческого времени отвечала фланговой башне XVI, впоследствии застроенной на $\frac{3}{4}$, и XIX, впоследствии упраздненной.

Слева (со стороны поля) от башни V находится в стене узкая калитка, находящаяся, согласно древним правилам, под защитой этой башни, так же, как на куртине 19 под защитой башни Зенона. Эта „вылазная“ калитка была найдена плотно заложеной камнями. Ширина ее прохода 1,25 м. Судя по всему, она имела одностворчатую дверь, от движения которой сохранились отчетливые следы на пороге калитки.

На расстоянии 35, 37 м от калитки древнегреческая стена имеет прямоугольную башню IV, также сплошной кладки. К сожалению эта башня-площадка дошла до нас в сильно разрушенном состоянии. Стык кладки башни сделан в переплет с кладкой оборонительной стены. Ширина башни — 3,20 м, длина ее по стене — 4 м. На башню-площадку с внутренней стороны боевой стены вела лестница, от которой сохранились еще две ступеньки. Ширина лестницы 1,80 м. Эта башня — единственная уцелевшая от древнегреческого времени. Возможно, что на таком же расстоянии от этой башни IV (т. е. 35 м) была еще такая же башня и что эту башню использовали, чтобы не в бок пристроить новую куртину (четвертую)².

Заметим, что пространство к западу от древнегреческой стены (с куртины 5 а) было занято сплошным античным некрополем, от которого сохранилось множество могил. Можно высказать предположе-

¹ В Херсонесском музее имеются снимки деталей фундамента этой башни снимки отдельно этих фрагментов. Фрагменты с профилями происходят, вероятно, или от древних монументальных зданий, или, скорее, от древних надгробий, которые было, несомненно, большое число возле Дипилонских ворот в Афинах, где находится дипилонское кладбище. См. Brückner, Der Friedhof am Eridanos, и мою статью „Дипилонское кладбище“, „Гермес“, 1914.

² Чтобы не возвращаться более к древнегреческой стене, укажу на два обстоятельства: во-первых, она всюду стоит на скале, как этого требуют правила древнего строительства (ср. Филон 1, 1—4); во-вторых, она построена так, что все пространство между наружной и внутренней облицовкой заполнено бутом. Непонятно, откуда Бертье-Делагард взял данные о сырцовой забутовке этих куртин, о чем он говорил в ИАК, вып. 21, стр. 130. В действительности применение сырца нигде в Греции у нас неизвестно.

ние, что большая Западная базилика возникла, вероятно, на могиле какого-нибудь особо почитаемого раннехристианского мученика, так же как и загородный крестообразный храм 1902 года.

Город, сравнительно благополучно пережив тяжелую эпоху великого переселения народов III и начала IV в., находился в подчинении Восточной Римской империи и разросся настолько, что для расширения его территории потребовалось перенести стены дальше. Известная надпись, найденная в 1899 году К. Косцюшко-Валюжиничем и изданная В. В. Латышевым в вып. I ИАК (стр. 56—59), говорит о строительстве стены в конце IV в.: „За владык наших, вечных Августов, непобедимых Флавиев Феодосия и Аркадия и много потрудившегося при деле Флавия Вита трибуна и строителей построена стена при Евферии Превосходительном...“ Надпись относится ко времени между 383—395 гг. и важна для нас по двум причинам: во-первых, как исторический источник, доказывающий, что при Феодосии Херсонес уже входил в состав империи и признавал императоров своими непосредственными владыками и, как следствие отсюда, что в Херсонесе стоял императорский гарнизон, начальник которого заботился о стенах города. Во-вторых, мы можем с этой надписью связать определенную кладку стен Херсонеса, о которой я говорил во второй части „Стен Херсонеса“¹. Эта кладка сделана уже на цемянке с использованием античных каменных блоков. Облицовка часто делается по системе „кордонами на ребро, плитами на образок“. Из нее состоит так называемое второе кольцо башни Зенона, она же видна на верхнем ярусе куртин 16—17². Если сравнить все эти кладки с кладкой куртины 4, то видно, что облицовка состоит из больших плит, античного происхождения и рядом с ними ровных небольших плит, положенных на извести. Внутренняя часть стены состоит из бута на извести. Таким образом, мы можем всю куртину 4, отходящую резко на запад, датировать эпохой конца IV в.

По-видимому, уже в эпоху римской элевтерии, когда Херсонес материально благоденствовал под эгидой римских императоров, его население сильно увеличилось и настойчиво требовалось увеличение его территории. Поэтому была использована первая строительная возможность, какая только представилась, — была отнесена на запад линия обороны. Древняя стена была упразднена и скрыта, так как она шла по ровной местности, не давала изгибов и в ней слабо была проведена идея бокового обстреливания. Надо заметить, что и эпоха уже была не та: вместо примитивных и сравнительно слабых тавров и скифов теперь появляются более страшные враги в виде готов, аланов, военная техника которых была гораздо выше техники местных варваров. Все это вместе взятое и побудило строителей построить новую линию обороны, используя выгоды местности.

Именно к этой новой линии обороны вполне приложимо замечание А. Л. Бертье-Делагарда: „Общность обороны города, все ее протяжение было задумано, еще раз повторяю, сразу, так как ни в чем не видно существенных колебаний или изменений, а главное, все так хорошо пригнано к условиям местности, что и не может быть иным, отвечая вполне одной цельной идее. Не будь остатков ограды, ее можно было бы начертить весьма близко к найденным, руководствуясь топографией местности“. Если бы Бертье-Делагарду была известна

¹ „Стены Херсонеса“, X сб. II, стр. 66—69.

² Там же, стр. 59, рис. 61 (средняя часть кладки башни XVII (Зенона); стр. 60, рис. 62 (см. надпись „2-е кольцо“). Следующее, 3-е кольцо датируется после 480 г. эпохой императора Зенона, т. е. 100 лет спустя.

древнегреческая стена на всем ее протяжении, то он воздержался бы от этих слов, вполне, однако, приложимых к строительству конца IV—V вв. Во всяком случае история обороны показывает, что много было перестроек, пристроек и улучшений, и в результате только многовекового боевого опыта линия обороны оказалась хорошо прировненной к условиям местности.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ СТЕНА

Познакомимся с линией обороны IV—V и последующих веков, поскольку она до сих пор не издана. Следует, однако, предупредить, что многое еще должно быть выяснено на месте и, главное, доследовано раскопками и архивными поисками¹.

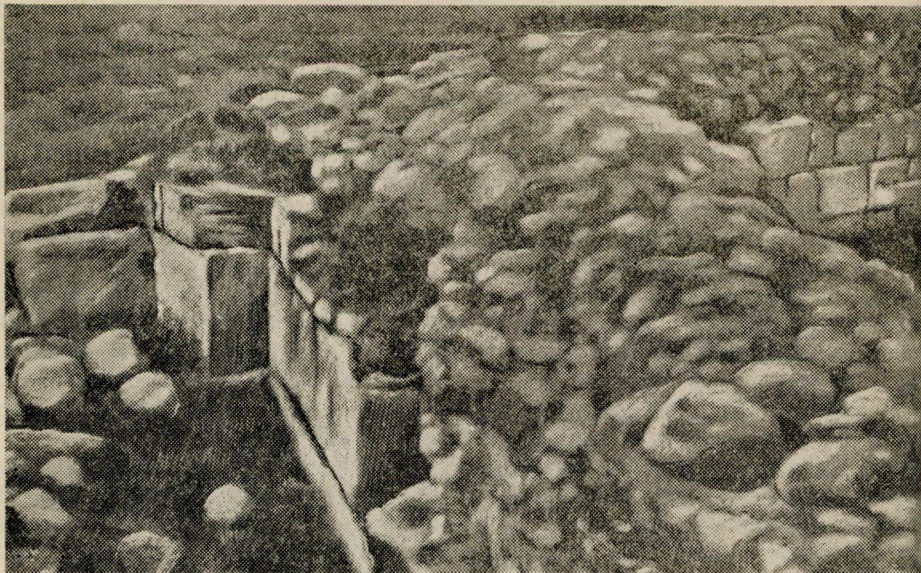

Рис. 16. Место стыка древнегреческой стены с раннесредневековой стеной.

Четвертая куртина поворачивает от древнегреческой стены под тупым углом на запад. Общая ее протяженность от древней стены до башни III свыше 100 м. Эта куртина может быть разделена, по Бертье-Делагарду, на две неравные части—4а и 4б. Часть 4а тянется от древнегреческой стены до башни, которую А. Л. Бертье-Делагард выбросил из нумерации башен, признав здесь наличие одних только ворот и обозначив их буквой В. Действительно, через эту башню было сообщение посредством калитки.

Башня В. имеет в плане форму ромба, которая появилась вследствие стремления строителей связать косое направление куртины с прямым направлением ворот. На рис. 17 показаны острый угол

¹ Дневники Лепера изданы только частично, а именно до 1910 г. включительно (Херсонесский сборник, II, 202, сл.). Однако и они много дают, так как в них отмечены раскопки не только некрополя, но и западных стен. Дневники за 1911—1913 гг. совсем не изданы. Отчет за 1913—1915 гг. издан Моисеевым крайне суммарно и содержит много неточностей и не подкрепленных фактами данных. Поэтому западная часть оборонительных стен Херсонеса еще требует большого предварительного изучения.

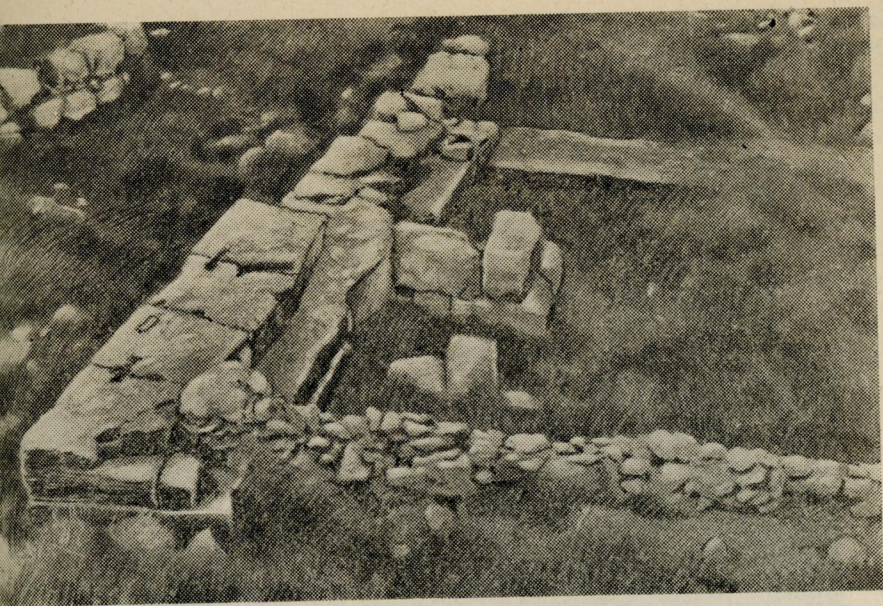

Рис. 17. Угол ромбовидной башни (Вид с востока).

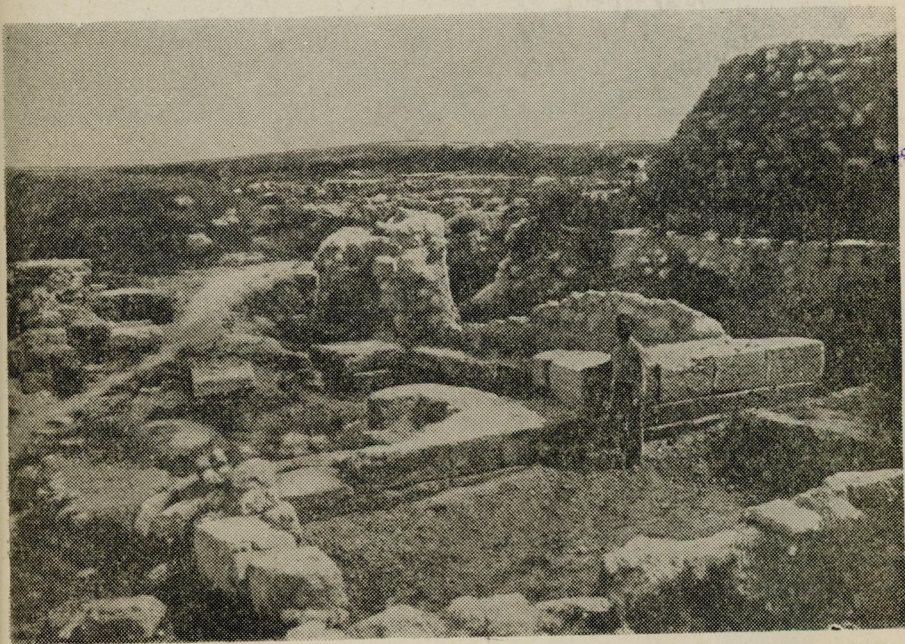

Рис. 18. Ромбовидная башня после раскопок.

башни В и ее кладка. Следует обратить внимание на последнюю. Облицовочные плиты вытесаны крайне старательно и создают впечатление сухой кладки — очевидно, строители ей подражали. Более того, плиты еще по древней традиции связаны друг с другом большими пиронами в форме двойных ласточкиных хвостов. Однако облицовка и забутовка сложены уже на известковом растворе. Вывод напрашивается сам собой; кладка еще удержала традиции античного времени, но уже знает известковый раствор. Все это как нельзя лучше подтверждает приведенную выше датировку кладки куртины 4.

Лицевая кладка представлена на наших рис. 17 и 18, отделенная

Рис. 19. Порог ромбовидной башни (вид с юга).

одна от другой 18-летним промежутком времени. Мы видим, что и сама башня В чрезвычайно эффективна, производит впечатление мощи империи, которая даже в дальних границах государства не щадила средств на защиту форм своей культуры, власти и политического влияния. Башня В имела ряд внутренних помещений, о чем свидетельствуют и наши фотографии. В ней были помещения для караульной стражи, сохранился порог входа (рис. 19) и базы опорных столбов потолочных перекрытий. Башня была раскопана Лепером в 1911 году. Ее размеры: около 10 м по линии стены и около 9 м ширины. Башня выступала вперед от линии стены.

За башней В идет на расстоянии 60 м куртина 4 б. В настоящее время вся ее облицовка снята¹, и судить о ней можно только по куртине 4 а или по верхнему ярусу куртин 16—17. Рис. 20 (1928) показывает внутреннюю сторону куртины. Приблизительно около середины, на расстоянии 8 м от башни В, в стене видно круглое отверстие, несомненно, от бывшей здесь калитки. Куртина 4 б в

¹ Поражает крепость раствора: тут стоит без облицовки уже с конца XVII в. может быть, еще ранее.

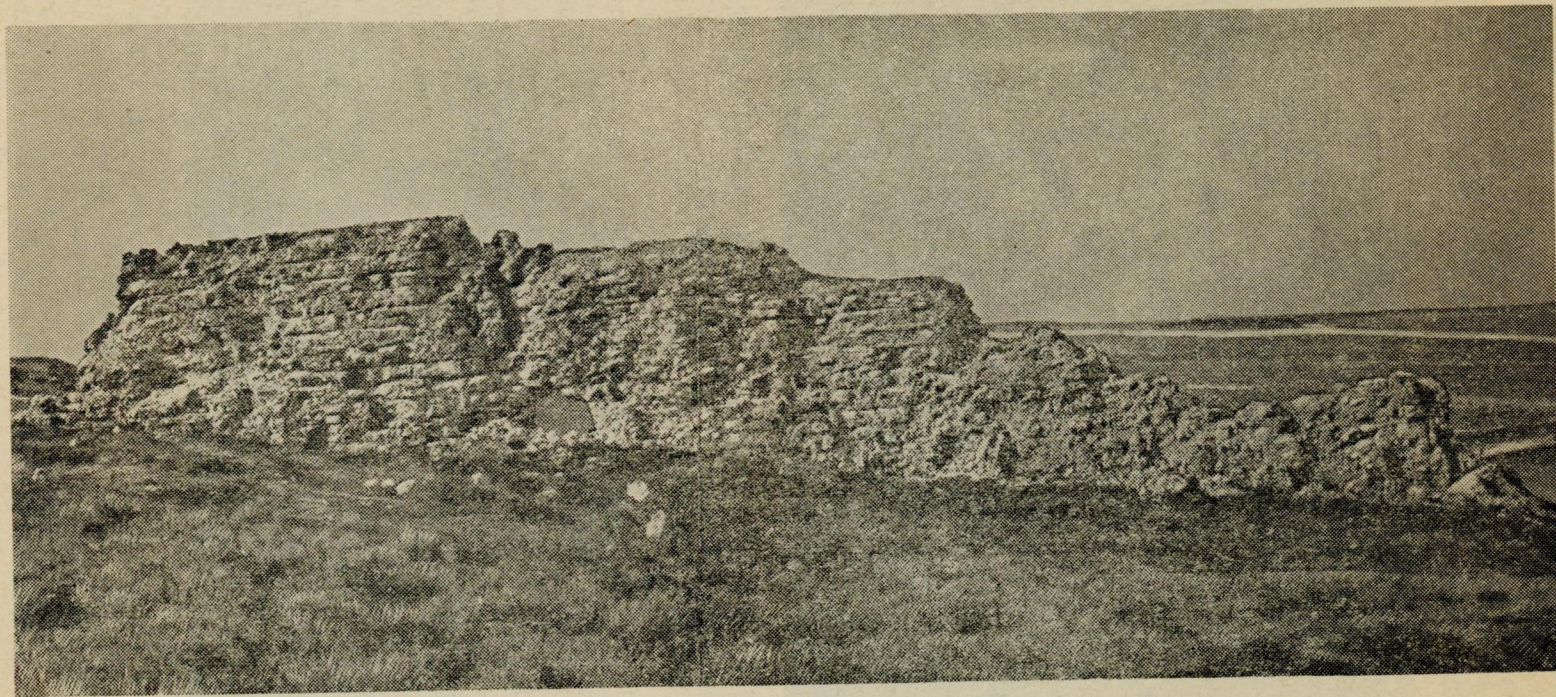

Рис. 20. Киртина 4. Забутовка стени.
(Вид со стороны города).

для нас тем, что только на ней мы видим стену во всю высоту, вплоть до венцов, которые не сохранились. Впрочем, вся высота сохранилась только в южной части этого отрезка стены.

Куртина 4 оканчивается круглой фланговой башней III, находящейся недалеко от Песочной (Херсонесской) бухты. Башня была раскопана

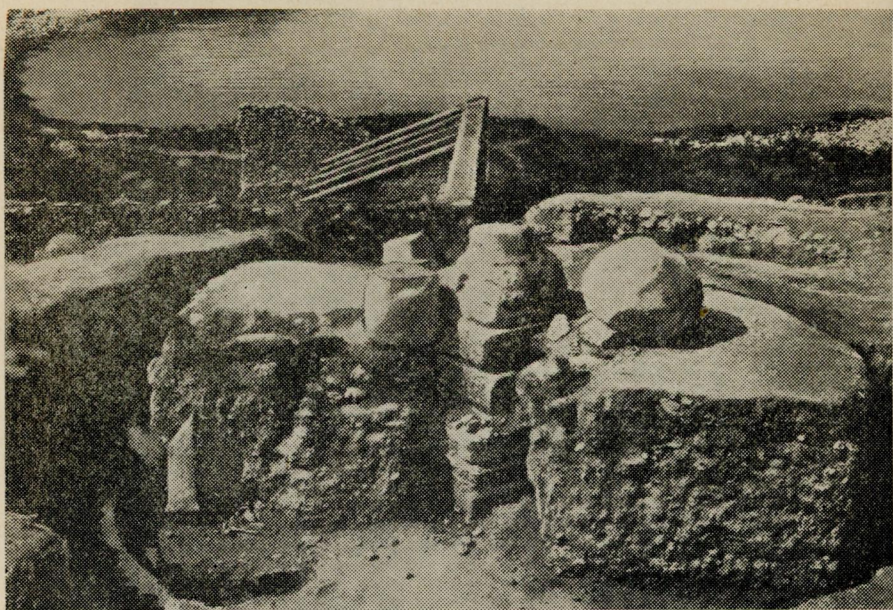

Рис. 21. Внутренняя часть круглой башни (раскопки 1911 года; вид с юго-востока).

Лепером в 1911 году. Рис. 21 дает представление о круглой внутренней части башни. Засыпь внутри содержала большое количество кровельной черепицы, а в центре был найден фундамент четырехугольной формы, на котором стояла еще *in situ* база колонны, поддерживавшей некогда крышу, крытую черепицей. Размеры башни: наружный диаметр около 15 м, толщина окружной (основной) стены 3 м. В засыпи башни встречались черно- и краснолаковые обломки сосудов и надгробий, одно из которых, несомненно, IV в. до н. э. Наружная облицовка башни изображена на рис. 22. Снимок ясно показывает, что башня построена в переплет с облицовочной кладкой стены следующей, береговой куртины 3. Кладка башни и стены — это та же красивая штучная кладка ранневизантийского времени конца IV, может быть, V в., о которой мы уже говорили.

Куртины 3 и 2 дошли до нас в чрезвычайно разрушенном состоянии. Надо заметить, что виною гибели херсонесских облицовочных плит из известняка являются те известковые печи, следы которых до сих пор имеются на берегу Песочной бухты. Еще во время Лепера эти печи функционировали, пережигая на известь облицовку херсонесских стен. Поэтому от куртин 3 и 2 сохранились очень слабые следы. На рис. 23 изображено современное состояние наружного фасада куртины 3, совершенно лишенной облицовки.

От башни II мы не имеем никаких следов: возможно, впрочем, что раскопки, веденные до скалы, открыли бы ее. В настоящее время на

том косогоре в изобилии разбросаны камни — следы бывшей здесь когда-то стены.

Гораздо лучше сохранилась куртина 1: она покрылась толстым слоем земли, и поэтому ее нижняя часть избежала разрушения, пострадали только верхние части. Она изображена на рис. 24 (панорама всей

Рис. 22. Место стыка куртины 3 с башней III. Кладка ранневизантийского времени.

куртины). На этой куртине следует остановиться несколько больше. Все это место было раскопано еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем ряд лет; отчеты об этих раскопках напечатаны¹. Позже южный

Рис. 23. Внешний вид куртины 3. Забутовка стены со следами рядов облицовочной кладки.

¹ ОАК за 1895 г., стр. 102—103; ИАК, вып. 4, стр. 51, сл.

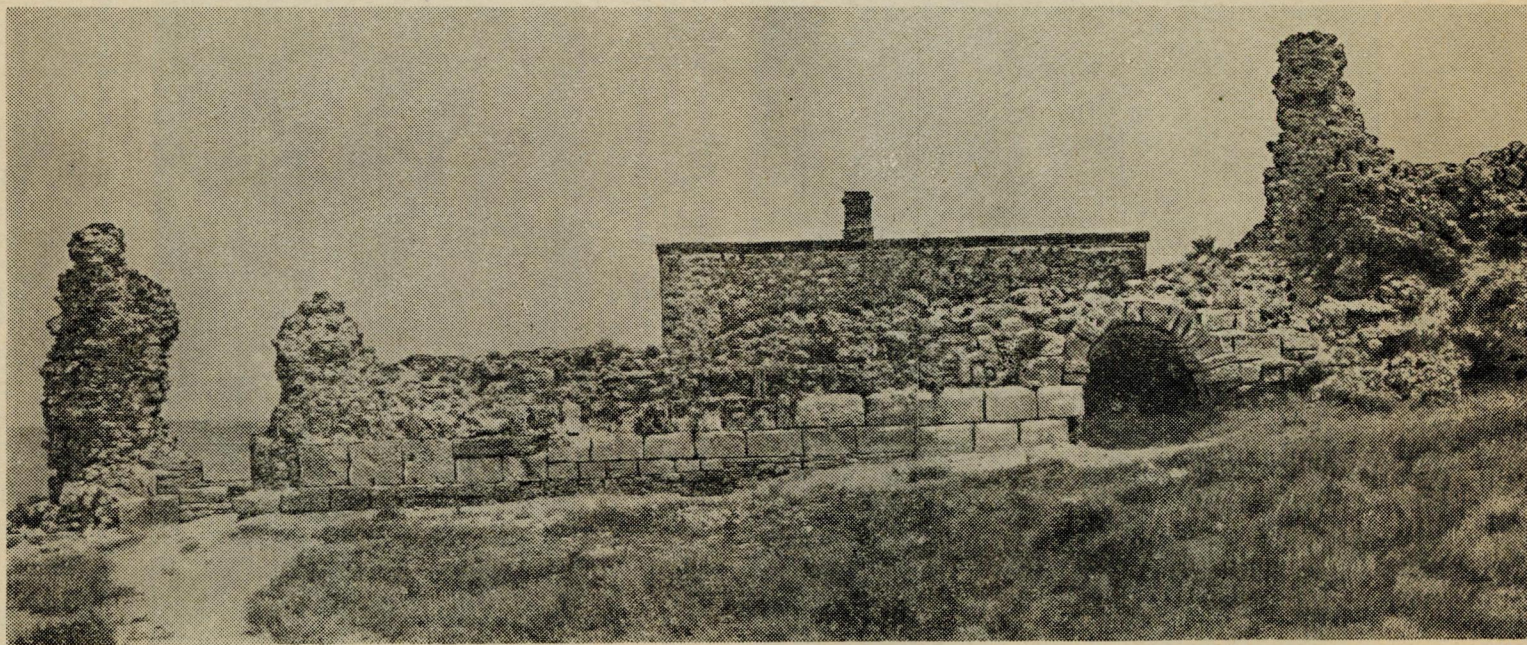

Рис. 24. Куртина 1. Внешний вид.

онец куртины исследовал Р. Х. Лепер и, кажется, Л. А. Моисеев. Прежде всего бросается в глаза несколько непонятное направление стен. Почему куртины 2 и 3 не идут по кратчайшему направлению к башне I, а поворачивают к южному концу куртины 1. Невольно напрашивается предположение, что прежде всего появилась необходимость в защите священного места—Западной базилики, для чего, возможно, построили куртину 1 на соединение с греческой стеной; затем, после сооружения куртин 3 и 4, построили на бугре куртину 2. В пользу этого предположения говорят следующие данные: на южном конце куртины 1 открыта прямоугольная башня, построенная на бугре, господствующем над базиликой. Эта башня могла играть боевую роль только тогда, когда стена от нее отходила бы не на запад, как куртины 2 и 3, а на восток или юго-восток. Кем эта башня была раскопана и в каком году—мне неизвестно, но я ее лично обследовал¹. При

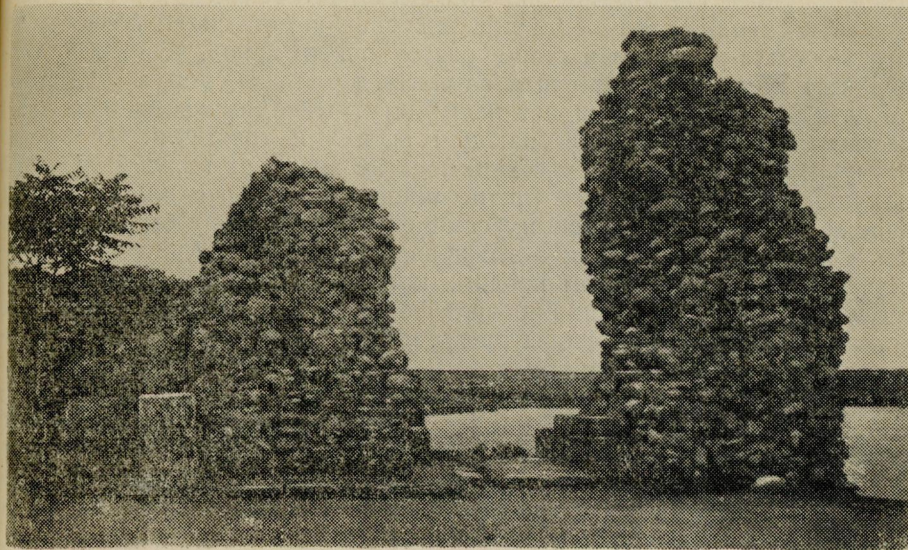

Рис. 25. Калитка в куртине I. Вид со стороны города.

постройке куртин 2 и 3 эта башня оказалась внутри обороны и должна была потерять свое боевое значение. Я обозначаю эту башню Ia. Вся куртина 1 состоит из облицовки, от которой сохранилось от одного до трех рядов, и внутреннего бута на извести, сохранившегося на разной высоте. Стена поражает своей толщиной (свыше 4 м).

В северном конце куртины сохранились остатки прямоугольной башни I, половина которой рухнула в море². А. Л. Бертъе-Делагард по сохранившимся пятам доказывает, что башня была когда-то крестовым сводом (ИАК, вып. 21, стр. 114, рис. 18 на 130 стр.). С этой башни начинается линия береговой обороны Херсонеса, от которой дошли крайне незначительные следы. К югу от башни I сделана под ее защитой калитка А, имеющая ширину прохода всего 2 м (рис. 25). И здесь бут в двух местах достигает максимальной высоты. По словам К. К. Косцюшко-Валюжинича, „стена, обнаруженная в от-

¹ По словам старого надсмотрщика Н. Э. Федорова, эту башню раскопал в 1920-х годах Л. А. Моисеев. Дневников и отчетов в архиве Херсонесского музея нет.

² ИАК, вып. 4, стр. 51.

четном году (1901) от южного угла калитки на протяжении 25 сооружена на материковой скале из бутового камня с заливкой вестью и с облицовкой с обеих сторон большими, легко выветрившимися тесаными камнями из местного известняка, положенными так на извести¹. Относительно высоты он замечает: „Оборонительная стена сохранилась здесь почти на полной высоте, до начала бойни“.

Чрезвычайно характерна облицовка этой стены, хорошо видная на рис. 24: справа от калитки с уцелевшим порогом стена облицована тремя огромными квадратами со следами более древних пиром в форме хвостов ласточки. Эти уцелевшие квадраты, несомненно, в результате использования и происходят, по-видимому, от древнегреческой монументальной постройки, скорее всего, разобранной вблизи этого места оборонительной стены. Далее идет прекрасная монументальная кладка из ровных продолговатых камней. В забутовке видим длинные квадраты, поставленные в глубь стены.

Для датировки стены большое значение имеет склеп № 1039, в котором была устроена в стене разгрузочная арка². В склепе была найдена монета IV в., могущая служить датой для сооружения стены. Эта дата вполне подтверждает нашу дату, выводимую на основании анализа стиля кладки, еще знающей античные традиции, но уже использующей известковый раствор, чего не знали римляне и греки. По наличию разгрузочной арки можно предположить, что или склеп принадлежал знатному городскому семейству, желавшему быть погребенным в почетном месте, или — это правдоподобнее — строители обнаружили здесь склеп слишком поздно, когда часть стены была уже построена, и поэтому, нарушив правила фортификации, пошли на создание скрытой за облицовкой стены разгрузочной арки, т. е. на значительное ослабление боевой мощи стены.

Между этим склепом и вышеупомянутой калиткой А имеется в стене еще один склеп, оказавшийся nepотревоженным, но без вещей. Возможно, что строители и не знали о существовании этого склепа (№ 1038) и потому провели над ним стену без разгрузочной арки. Место стыка куртин 1 и 2 прослеживается с большим трудом, так как оно совершенно не тронутو раскопками.

Следует остановиться еще на разведке 1928 г. к востоку от Западной базилики, где древнегреческая стена выходит к морю.

Исследуя систематически Херсонесское городище, я заметил обрыве морского берега к востоку от Западной базилики большие блоки тесаного камня, типичные для древнегреческой стены. Это привело на мысль произвести здесь небольшую разведку для определения размеров площади древнегреческого Херсонеса, что и было сделано поздней осенью 1928 года. Сильный ветер очень мешал работе, поэтому раскопки были ограничены только районом стены³.

Вся стена, даже ее фундаменты, была уже в древности выбрана без остатка, осталось только ложе, на котором стоял фундамент стены. Это ложе легко определялось по мелкому буту, положенному на скалу. Возле самой стены, в западной ее части, разведка неожиданно открыла прямоугольную башню 16 таких же размеров, как башня А. Внутри нее лежали толстый слой битых кровельных черепиц, сгоревших

¹ ИАК, вып. 4, стр. 51, и план на рис. 1 на стр. 52. Вид этой части стен см. ОА за 1895 г., стр. 102—103.

² А. Л. Бертье-Делагард правильно объясняет арку в стене, как разгрузочную. К. К. Косцюшко-Валюжинич ошибочно считает ее калиткой (ИАК, вып. 4, стр. 52).

³ Отчет напечатан в журнале „Крым“ за 1929 г.; там же помещены план и фотографии.

бревна и жилой мусор. С запада на башню I б вела лестница, от которой сохранились три ступеньки, хорошо видные на рис. 26. Здесь же, за лестницей, видны кубические квадры облицовки башни. Башня эта, построенная, когда древнегреческая стена перестала существовать, являлась частью приморской обороны Херсонеса.

Время уничтожения древнегреческой стены может быть довольно точно установлено по последним могилам некрополя, находившегося

Рис. 26. Древнегреческая стена у обрыва к морю. Раскопки 1928 года. Вид с юга.

к западу от этой стены (впоследствии на месте некрополя образовались жилые кварталы города), и по времени сооружения куртины 4¹. Некрополь раскапывался в течение многих лет К. Косцюшко-Валюжиничем и Р. Х. Лепером. Инвентарь могил относится главным образом к римскому времени; преобладают краснолаковая керамика, римские лампочки, римские императорские монеты и херсонесские эпохи элевтерии. Наиболее поздние погребения относятся к III—IV вв. Это вполне совпадает с нашей датой стены куртины 4, которая была построена в самом конце IV в. Через 100 лет, т. е. при императоре Зеноне, стена, отчасти пришедшая в ветхость, была исправлена, отчасти перестроена. Есть некоторые основания думать, что кубические квадры со следами обработки зубаткой восходят к реставрации эпохи императора Зенона. Они напоминают кладку третьего кольца башни Зенона, датируемую эпохой Зенона, и утолщение на куртине 19². Во всяком случае расширение города стоит в какой-то связи с ростом его населения.

¹ ИАК, вып. 21, стр. 158.

² „Херсонесский сборник“, II, стр. 59, рис. 61.

Переходим к протейхизме. В древнегреческое время город не имел передовой стены. Это доказывается тем, что на юго-восточном участке, территории искусственной засыпки перибола, мы видим, что в толще бывшей засыпки идут только грубые фундаменты протейхизмы. Значит, она была сооружена после засыпки, т. е. позже римского военного строительства эпохи Нерона. С другой стороны, однако, строители протейхизмы еще учитывали античное правило строить оборонительные стены обязательно на скале или на материке и, несмотря на большую глубину залегания в этом месте скалы, фундаменты протейхизмы сооружены на скале¹. Кроме того, кладка башни протейхизмы XVI (находится против основной башни XV на куртинах 16—17) чрезвычайно близка к кладке ранневизантийского времени. Очевидно, впервые протейхизма появилась тогда же, как искусственное усиление линии обороны.

Не все куртины нуждались в этом усилении, а только наиболее ответственные участки обороны. И мы видим протейхизму только на юго-западе и юго-востоке, а именно, между башнями III и VIII, XII и XVIII. Протейхизма на куртинах 5 и 6 идет уступами, а возле башни V в два ряда, но в общем повторяет направление основной стены и идет от нее в среднем на расстоянии 16—17 м. Древние писатели требуют гораздо большего расстояния передовой стены от главной².

Однако протейхизма в Херсонесе играет и самостоятельную роль. Так, например, на куртинах 16—19 (возле башни Зенона) протейхизма имеет ворота, находящиеся под защитой этой башни. Чтобы добраться к городским воротам, врагу приходилось идти по периболу под двойными ударами со стен. Совершенно такую же картину мы видим еще в Тиринфе. При этом правая, незащищенная сторона воинов падала под главные удары со стороны защитников, находившихся на боевой стене и башнях.

Второй случай самостоятельного значения протейхизмы мы наблюдаем возле башни III. В то время как основная линия обороны отступает на восток (куртины 3 и 2), протейхизма идет в косом направлении прямо к берегу, защищая от врагов мертвое пространство перед куртинами 1, 2 и 3. К сожалению, эта часть протейхизмы не раскопана³. На куртинах 5 и 6 раскопки Лепера обнаружили даже две параллельно идущие передовые стены и ров, вырытый в скале; все это видно на рис. 90 и 91 на стр. 60 и 61 ОАК за 1913—1915 годы. Правда, эти стены из нетесаного бута очень плохой кладки. Толщина стены „в“ всего 1,50 м. Идет она на расстоянии 8 м от главной стены. Следующая стена „с“ идет на расстоянии от 1,55 до 3 м от стены „в“, сделана из такого же материала, но еще тоньше. Сохранившаяся высота остатков — до 2 м. Глубина и ширина рва перед стеной „с“ раскопками не была определена. Очевидно, эта двойная протейхизма более позднего времени (быть может, X—XII вв. н. э.).

Большое военное значение имел перибол. В нем накапливались силы для вылазок, в него загоняли скот с полей во время войны,

¹ Несмотря на то, что для этого пришлось рыть канавы для фундаментов стены до 6 м глубины.

² Филон, 1, 43—44, требует, чтобы ров был на расстоянии от стены не менее чем на 1 плетр (31 м).

³ Можно сказать, она начинается здесь береговую оборону Херсонеса, переходя после башни I в основную приморскую стену, обозначенную на табл. 2 в ИАК, вып. 21.

нем же поселялись окрестные жители, как в Аттике в периболе между Длинными стенами во время Пелопонесской войны, по свидетельству Фукидида¹. Перибол использовался также как место для разных мастерских. Так, например, в периболе перед башней XVII (Зенона) находилась гончарная мастерская.

Сразу за протейхизмой обычно начинались кладбища. Так как раньше протейхизмы не было, то некрополь начинался непосредственно у стен, и поэтому в периболе мы видим могилы, по которым можно установить приблизительный возраст протейхизмы. Очевидно, что ее сооружение относится к более позднему времени, чем самые поздние могилы. А такими являются в периболе могилы III и начала IV в.²

Раскопки перибола дали много погребений, могущих послужить хронологическим критерием для определения времени возникновения херсонесской крепостной ограды. В этом отношении наибольший интерес представляют древнейшие погребения и среди них — прежде всего гробница с краснофигурным оксибафом (кратером)³. Анализ находок в этой гробнице подтверждает, что Херсонес имел оборонительную стену уже к середине IV в. до н. э. (исследование краснофигурного оксибафа. Приложение).

Остается сказать несколько слов о высоте стен Херсонеса и об архитектурном оформлении их верхних частей. Филон Византийский пишет: „В вышину мы будем строить стены не менее чем на 20 локтей, дабы, приставив лестницы, враги не могли на них взбираться“ (III, 2). Об оформлении верха стен тот же древний автор сообщает: „Иногда куртины делают с крышей и зубцами, если только это выгодно. Иные устраивают куртины в подходящих местах с зубцами, но без прохода по ним; вместо последнего делают настилы из небольших брусьев и толстых досок, покоящихся на концах вделанных в стену балок; во время осады ничто не мешает нам ходить по этим настилам с дозором и сражаться, а когда нужно будет, тотчас же можно убрать их, оставив незначительную стражу. В самом деле, если враги овладеют куртинами и останутся так, то в короткое время погибнут под ударами метаемых снарядов“ (III, 4—5).

Мы привели это место из трактата Филона „О фортификации“, так как оно дает наглядное представление о верхних частях стен и о тактике осадной борьбы в III в. до н. э. Но у нас есть еще ряд более ранних свидетельств, говорящих, что уже в IV в. до н. э. стены городов имели наверху зубцы. Так, Плутарх (Пелопид, 34) пишет: „Когда умер Гевестион, Александр Великий приказал не только остричь лошадей и мулов, но и снять зубцы с городских стен для того, чтобы заставить думать, что и самые города принимают участие в печали, переживая свой веселый вид на печальный и унылый“.

Для восстановления внешнего вида херсонесских стен мы должны привлечь рисунок, найденный на стене склепа в окрестностях Херсонеса („Туровский склеп“). А. Л. Бертье-Делагард прав, придавая этому схематическому изображению внешнего вида какой-то крепости большое значение в деле реконструкции линии обороны Херсонеса. Рисунок воспроизведен на стр. 161 вып. 21 ИАК. Для нас важно в рисунке то, что башни на нем выдаются на 2—3 м над ли-

¹ Фукидид, II, 17, 3.

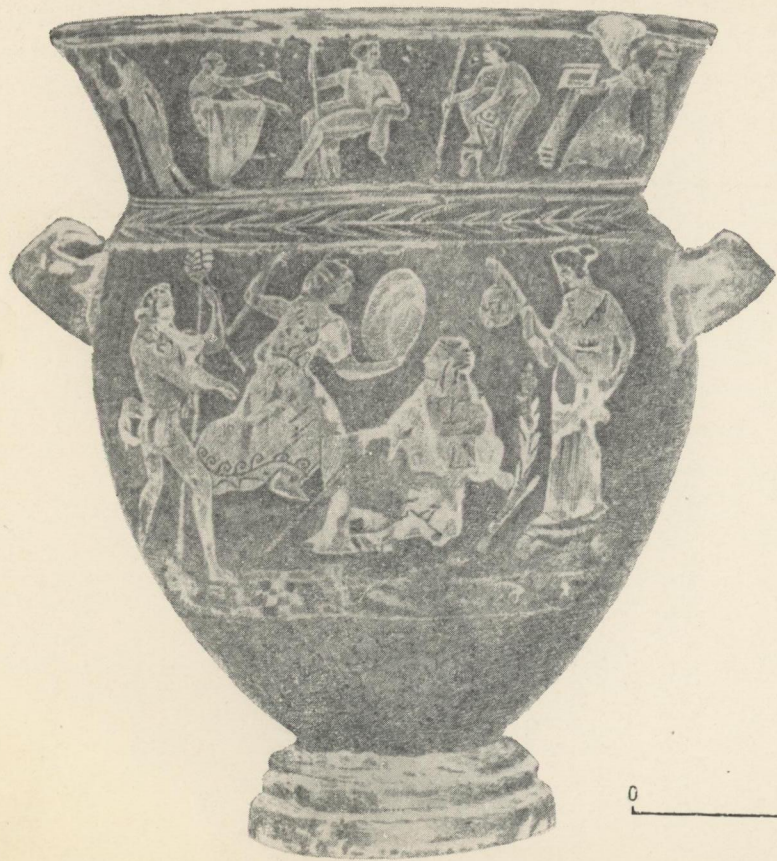
² ОАК, 1894, стр. 60—62, 95, 109—115, могилы №№ 429—576 у куртин 8 и 9. В могилах самые ранние монеты — второй половины I в. до н. э. (могилы №№ 578, 586, 599, 605, 606). Самые поздние монеты — III—IV вв. н. э. Позже и была сооружена протейхизма.

³ ИАК, вып. 16, табл. VII.

нией стен; стены имеют прямые зубцы, а башни имеют нависающие зубцы, вероятно, для навесной стрельбы. Ворота фланкированы двумя башнями, перекрыты коробовым (римским) сводом и на себе несут башенку. Таким нам должен представляться Херсонес — крепость в позднеримскую эпоху.

Есть основания предполагать, что в одном месте сохранились остатки венцов на древнегреческой стене. Вначале я высказывал это как робкое предположение, теперь же все более склоняюсь к мысли, что это так. А именно, на куртине 16, в районе римских приставных склепов №№ 1013—1014, мы видим правильно чередующиеся вырезы на конечных камнях древнегреческой стены. Это хорошо видно на рис. 1 на стр. 17 „Херсонесского сборника“, вып. II. Только здесь стена достигает своей максимальной высоты (свыше 6 м). Ничем иным, как остатками настенных венцов, эти выступы быть не могут.

Таков был Херсонес как крепость. Его стены впервые опоясали город в конце V, вернее, около середины IV в. до н. э., затем в середине IV в. до н. э. линия обороны распространилась на запад, захватив большую территорию скалистого бугра городища. В период римского владычества, при Нероне, стены были приведены в порядок. Это было тем более необходимо, что в эпоху Митридата стены почти не чинились, а были сделаны только самые необходимые поправки и исправления для усиления обороны (например, сооружены башни XV) и создан или, вернее, перестроен преторий для митридовского гарнизона (куртины 19, 20, 21). Далее крупное стеностроительство падает на эпоху великого переселения народов (конца IV в. потом на время императоров Зенона и Юстиниана. К IV в. Херсонес достиг своих естественных границ на городище. Как видим, в общем строители херсонесских стен учитывали и выполняли требования античной монументальной архитектуры.

0 10 20 см.

ОКСИБАФ

АТТИЧЕСКИЙ КРАСНОФИГУРНЫЙ ОКСИБАФ № 1517 ИЗ ХЕРСОНЕСА КАК ДАТИРОВОЧНЫЙ ТЕРМИН ДЛЯ ДРЕВНЕ- ГРЕЧЕСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СТЕНЫ¹

Вопрос о датировке древнегреческой оборонительной стены Херсонеса уже давно интересовал исследователей. Этому вопросу посвящена работа А. Л. Бертье-Делагарда, напечатанная в вып. 21 ИАК. Далее упомяну мою работу «Стены Херсонеса Таврического» (часть I — «Херсонесский сборник», вып. I, Севастополь, 1926 и часть II — «Херсонесский сборник», вып. II, Севастополь, 1927). В последнее время этот вопрос затронут в очерке Г. Д. Белова «Херсонес Таврический» (Ленинград, 1948).

В первой части «Стен Херсонеса» я на основании анализа кладки и анализа ювелирных предметов из подстенного склепа № 1012 сделал попытку датировать древнегреческую линию обороны на юго-восточном участке Херсонеса второй половиной IV в. до н. э. В последнее время среди наших исследователей намечается тенденция понижать датировку. Настоящая работа посвящена анализу интересной находки в периферии южной линии обороны Херсонеса, а именно краснофигурной вазы — оксибафа, довольно легко поддающегося датировке². По условиям нахождения этого предмета в могиле у фундамента древней стены, эта ваза может служить датировочным термином древнегреческой оборонительной стены.

Оксибаф служил в качестве погребального сосуда и содержал жженные кости. Обстоятельства его находки таковы: «У прямоугольной башни Д (по Бертье-Делагарду XII), в расстоянии 1,45 м от главной оборонительной стены обнаружена вырубленная в материковой скале канава до 0,45 м ширины, до 0,55 м глубины и 5 м длины, которая первоначально была закрыта громадной плитой из твердого степного известняка, сдвинутой грабителями и найденной рядом. Канава служила семейной гробницей. По-видимому, в IV в. до н. э. и вмещала в себе 6 глиняных урн (№№ 1517—1522), из которых 3 сохранились вполне, а 3 найдены в кусках. По-видимому, урны были обследованы с целью ограбления в ранневизантийскую эпоху, при сооружении двух оборонительных стен и прямоугольной башни»³. В этой яме-канаве стояли в ряд все 6 сосудов.

Остановим наше внимание на этом погребении с шестью урнами возле XII башни, так как оно нам может дать датировку для древнегреческой стены. Прежде всего следует остановиться на краснофигурном оксибафе.

Сначала познакомимся с ним со слов К. К. Косцюшко-Валюжинича: «1517. Кратер чернолаковый с коричневыми фигурами вокруг среднего пояса и вокруг широкого горла. На средней части 4 мужских и 4 женских фигуры (Дионис и свита) в 0,15 м вышины, а вокруг горла 7 мужских и 6 женских малых (0,08 м вышины). Фигуры средней части сильно пострадали от сырости, так как кратер снизу и посередине был покрыт целым слоем мелких сталактитов. Вышина кратера 0,45 м, диаметр горла 0,33 м, диаметр внутреннего отверстия (см. средний рисунок на табл. VII) 0,105 м, наибольшая окружность кратера 1,03 м, наименьшая — 0,38 м; окружность основания — 0,52 м. У начала средних фигур 2 ручки (0,12×0,35 м), симметрично расположенные. Малое отверстие, ведущее внутрь кратера, было закрыто буролаковой плитой в 0,17 м диаметром и 0,06 м высотой. Вокруг этого отверстия у начала верхнего пояса в 0,1 м вышины образующего горло кратера, просверлены 4 симметрично расположенные дырочки в 0,005 м диаметром. Внутри находились жженные кости от одного остова»⁴.

Таким образом, перед нами довольно крупная древнегреческая ваза высотой около 0,45 м, снабженная двумя простыми ручками и стоящая на круглом пьедестале

¹ Оксибаф опубликован в статье Г. Д. Белова «Краснофигурный кратер из Херсонеса». Труды отдела истории искусства и культуры античного мира, Эрмитаж, Л., 1945. (прим. ред.)

² ИАК, вып. 16, табл. VII; Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, табл. IV, 2.

³ ИАК, вып. 16, стр. 106. На табл. III могила показана в виде прямоугольника № 1517—1522.

⁴ ИАК, вып. 16, стр. 106—107.

с довольно сложным профилем. Нижняя половина дна пьедестала — толще верхней, а последняя имеет желобок.

Косцюшко-Валюжинич совершенно правильно определил название формы. Действительно, сосуды этого типа называются общим именем кратеров и известны нам с глубокой древности. Форма их, по-видимому, идет с о. Крита и с Востока. Кратеры изображены, например, на известном раскрашенном саркофаге из Агия Триада на о. Крите.

На ассирийском рельефе Саргона II конца VIII в. до н. э. перед Урартийским эвтилищем в Мусасире стоят два гигантских кратера на подставках¹. У греков кратеры имели двойное назначение: культовое и бытовое. Судя по сюжету изображений, наш кратер имел бытовое назначение и употреблялся на пирах для смешения вина с водой. Кратеры обычно не служили для погребальных целей. По-видимому, наш кратер употребляли для погребения только потому, что эта ваза являлась в этом смысле самой ценной и редкой ввиду прекращения аттического экспорта. Однако нельзя сказать, что сюжет нашей вазы совсем не соответствует погребальному ее назначению. Дело в том, что в погребальном инвентаре эллинистического времени мы видим пелики, пиксиды и другие формы ваз с дионисовским сюжетом². И это понятно, если вспомним о связи культа Диониса с Элевсином³.

Вернемся к форме вазы. Как известно, кратеры бывают разных видов: в виде колокола и так называемые кратеры с ручками в виде волот. Последняя форма, по-видимому, более поздняя по времени. Наша ваза имеет форму опрокинутого колокола с перехватом в верхней части с короткими ручками. Такую форму кратера мы обычно называем оксифафом.

Чрезвычайно интересно внутреннее отверстие горлового раструба, изображенного на ИАК, вып. 16, на среднем рисунке на VII табл. Оно сужено с той целью, чтобы можно было без расплескивания размешивать вино с водой посредством встряхивания сосуда и выливать жидкость с удержанием осадка внутри, а главное для вставки фильтра $\eta\theta\rho\acute{\alpha}\varsigma$, $\acute{\omega}\mu\alpha\tau\acute{\eta}\varsigma$ ⁴. Это показывает, что все же назначение данного сосуда было не погребальное, а чисто бытовое. Лак оксифафа уже не первоклассный, лак середины V в.; он во многих местах отстал, но сохранил свой блеск, несмотря на неблагоприятные условия многовекового пребывания вазы в сырой земле.

Переходим к сюжету вазовой картины. Центральная часть изображения представлена, несомненно, на левой фотографии (табл. VII, слева). Это относится и к нижней и к верхней композиции. Нижний рисунок состоит из четырех фигур, причем в центре — второй фигуре, считая справа, мы должны видеть сюжетный центр всего рисунка. Это безбородый Дионис, сидящий на выступе скалы (?) и держащий в левой руке стилизованную ветку, по-видимому, лавра. В правой руке, свободно лежащей на коленях, он держит длинный и тонкий тирс, причем над головой следы палки тирса почти незаметны. Юное лицо бога обращено налево к подбегающей менаде. С головы Диониса падают на плечи две аккуратные пряди волос, как бы поздняя реминисценция локонов архаической эпохи или эпохи строгого стиля. На Дионисе длинный ионийский хитон, сквозь который художник наметил основные контуры тела. Это обычный прием мастеров краснофигурной техники, которые сначала намечали предварительные контуры тела, а потом уже «одевали» фигуру в платье. Об этом подробно говорит Б. В. Фармаковский в своей работе «Аттическая вазовая живопись» (1902, стр. 427—428).

К сидящей фигуре Диониса, как к центру композиции одной стороны вазы, обращены остальные три фигуры: справа от него стоит женская фигура менады с фанатом в руке⁵. На менаде длинный ионийский хитон, украшенный греческим орнаментом. Чуть склоненная голова с прической-кробилом обращена к Дионису. Слева к Дионису приближаются две фигуры: менада с тимпаном в правой и тирсом в левой руке. Она изображена стремительно бегущей вправо и оборачивающейся назад, следующему за ней хвостатому сатиру с тирсом. Вся картина представлена в двух планах. Таким образом, перед нами Дионис со свитой.

На обороте вазы (см. табл. VII справа, нижняя половина) мы видим продолжение того же сюжета тоже из четырех фигур. Все фигуры стремительно бегут направо, т. е. как бы следуя за вышеописанными сатиrom и вакханкой (менадой) с тирсом. Здесь изображена бегущая женщина с туалетным ящиком в левой руке; с ящиком

¹ Снегирев, альбом „Древний Восток“, табл. 300, 3. См. Dagemberg-Saglio, Dictionnaire des antiquités под словом „Cratère“ и под словом „Vase“, где приведена литература со ссылкой на источники. См. также Baumliester, Die Kmalter des Klassischen Altertums, III, под словом „Vasen Kunde“.

² Лукьянов-Гриневич, Керченская кальпиды, 1906 г., МАР, № 35, стр. 11 № 2; № 6; № 10; № 18.

³ Dagemberg-Saglio, указ. соч., под словом „Dionysos“ и Baumeister, указ. соч., под словом „Dionysos“.

⁴ Dagemberg-Saglio, указ. соч., под словом „Colum“ (ситечко), стр. 13, рис. 1729.

⁵ Предмет в руке по его толщине я затрудняюсь назвать тирсом.

сшивается лента в виде широкого полотенца; женщина подняла свободную руку вверх, как бы отбиваясь от преследующего ее сатира; на женщине одет длинный конический хитон с греческим орнаментом; на голове прическа — кробил. Следующий за ней сатир держит в руке тирс и стремительно бежит направо. За ним изображена бегущая также вправо женщина, одетая в такой же хитон, и с такой же прической. В левой руке она держит круглое зеркало¹. Женщина обернулась назад к поспешающей за ней последней мужской фигуре. В этой последней мы можем узнать Геракла, одетого во львиную шкуру и с дубинкой (?) в руках. Все фигуры изображены бегущими по неровной поверхности, покрытой крупными камнями или скалами (под левой ногой сатира — камень). Из земли растет ветка плюща (?). Такова композиция на обеих сторонах оксибафа.

Следует отметить чрезвычайную оживленность обеих картин, направленность всей композиции к одному центру и большое искусство в компоновке фигур и всей композиции в целом. Во всем этом чувствуется «набитая» рука недолгого опытного живописца. Картины имеют орнаментальную раму: наверху — стилизованный орнамент из лавровых листьев, внизу — типично греческий меандр.

Переходим к описанию картин на верхней части вазы. И здесь, как и на нижней композиции, вся картина имеет единый центр, причем любопытно отметить, что этот центр находится на той же стороне вазы, что и в нижнем рисунке (табл. VII, слева).

Центром всей композиции, представляющей одно целое на обеих сторонах вазы, является сидящая посредине всего фриза (табл. VII, слева,верху) фигура Диониса. Он представлен сидящим на стуле со спинкой; в правой руке он держит тирс, левую облокотился об одежду, лежащую на спинке стула. Голова бога повернута вправо, сам он изображен обнаженным. Поза Диониса свободна и эффективна, но без декоративной, искусственной эффектности эллинистического времени III—II вв. до н. э. Она очень напоминает позы сидящих богов на фризе Парфенона², и эта связь не случайна, как мы увидим дальше.

Направо и налево от центральной фигуры Диониса мы видим две женские фигуры в одинаковых позах, лицом к богу. Каждая одну ногу согнула в колене и поставила на скалу. Видно, что между этими тремя фигурами идет оживленный разговор. Правая женщина держит в одной руке факел; левая женщина правую руку протянула вперед и указывает Дионису на подбегающую (крайнюю справа) женскую фигуру, несущую туалетный ларец с тенией, напоминающий такой же ларец в нижней композиции. Очевидно, мастер изобразил сцену перед одеванием Диониса. За это толкование сюжета особенно говорят фигуры на оборотной стороне кратера.

Здесь мы видим, считая справа, бегущую девушку — менаду с каким-то неясным предметом в руке, далее фигуру, быть может, Геракла, судя по развевающейся львиной шкуре. Геракл в одной руке держит зеркало, протягивая его оборотившейся к правому девушке-менаде, одетой, как впереди бегущая, в длинный ионический хитон. Девушка обернула голову и протянула правую руку к туалетному ларцу, который несет как бы плывущая по воздуху крылатая фигура. За крылатой фигурой слева в разлете видна еще одна женская фигура с круглым предметом в руке (чаша, зеркало). Таков сюжет обеих картин кратера.

Перейдем к анализу стиля. Мастер, исполнивший рисунки кратера, владел всеми приемами художественной техники, которые были выработаны в течение VI в. до н. э. Аттической вазовой живописью. Так как полихромии на нашей вазе нет³, то ее следует датировать эпохой расцвета так называемого роскошного стиля. В самом деле, трактовка одежды всех фигур вполне свободная, уже совершенно чуждая тех условностей, которые характерны не только для «строгого», но и для «прекрасного» стиля: складок, которые как бы врезаются в тело, скрывают и изменяют его формы. С другой стороны, одежда не зависит уже только от тела, не подчинена ему, не является, как говорит Б. В. Фармаковский, а за ним Ю. П. Гриневич⁴, только «эхом

¹ Над зеркалом изображен непонятный предмет в виде крыльев птицы (?).

² Collignon, Histoire de la sculpture grecque, II, 1897, стр. 56, рис. 24; которая сидящая фигура, считая слева; ср. стр. 59, рис. 26 — среднюю фигуру Диониса. Есть много общего в свободной позе сидящей фигуры между изображением на фризе Парфенона и сидящей фигурой на нашем кратере. „Когда делались эти произведения, живопись достигла уже апогея своего развития: это время роскошного стиля“ (Б. Фармаковский, Аттическая вазовая живопись, 1902, стр. 532).

³ По фото на табл. VII, белые пятна следует отнести за счет сырости которая сильно повредила кратер, как указывает вышеприведенное мною место в отчете А. К. вып. 16, стр. 106). В описании кратера нигде нет ни звука на наличие полихромии. Это обстоятельство имеет значение для определения времени изготовления вазы.

⁴ Б. В. Фармаковский, указ. соч., стр. 531; Лукьянов-Гриневич, Архивная каллида, 1906, МАР, № 35, стр. 33.

тела», как в эпоху Полигнота и Фидия. Она уже получила свое особое художественное значение, вполне гармонирующее с формами тела. Однако здесь еще нет богатых и эффективных складок, нет того чисто декоративного значения, которое любил придавать одежде мастера второй половины IV в., как, например, на Мавсолее в Галикарнассе. В этом смысле характерна трактовка одежды на второй, считая слева, фигуре главной стороны кратера (табл. VII, слева, нижний ярус изображения). Обувь, ноги и руки изображены правильно, но иногда небрежно. Вообще вся картина кратера страдает некоторой небрежностью рисунка, которая, правда, проявляется везде. Более небрежно выполнен оборот вазы и особенно верхний рисунок.

В трактовке тела мы видим всюду полное знание анатомии, отсутствие какой-либо условности и связанности мастера. Все тела переданы естественно, с присущей им грацией и красотой, без каких-либо признаков манерности и декоративности в позе. В контурах тела нет ни сухости, ни угловатости. Фигуры, наоборот, отличаются в обнаженных частях мягкими, закругленными линиями. Все мускулы трактованы как бы под жировым покровом, что придает телу естественную жизненность — ср. фигуру Диониса в верхнем ярусе, ср. обнаженную мужскую фигуру справа на обороте вазы в нижнем ярусе. В контурах фигур отсутствуют вялость, сухость; всюду чувствуется стремление к изяществу простому, естественному, без позы.

Вся картина вазы одухотворена движением, которое стремится к своему естественному центру — богу Дионису, благодаря чему вся композиция, несмотря на сложность и многофигурность, не распадается на звенья, но воспринимается как единое целое. Следует обратить внимание на удачное распределение фигур, в котором чувствуется известный ритм, особенно на обороте вазы (табл. VII, справа).

Мы видим, что мастер был, несомненно, очень опытным и искусным художником: он сумел одними линиями без всякой моделировки светотенью придать фигурам пластичность, дать картине глубину.

Стиль фигур кратера, несомненно, старше керченской кальпиды 1906 года и превосходит ее авторами аналогий. Полихромия отсутствует, также отсутствует употребление накладной разжиженной глины. Аналогией может служить пелика Британского музея¹ с изображением летящей женской фигуры. Чрезвычайно близки между собой обе крылатые фигуры и ритм их полета, как бы плавания по воздуху. Британскую пелику Фармаковский причисляет к вазам развитого роскошного стиля². Очень близка по трактовке женского тела и по стремлению к его обнажению, еще, правда, неполному, только рук, картина на луврском лекифе, пришедшая у Фармаковского³. Этот рисунок принадлежит к развитому роскошному стилю⁴. Таким образом, аналогии ведут нас к эпохе фриза Парфенона или немного позже, к периоду развитого роскошного стиля, но еще до употребления полихромии и до стремления к рельефным украшениям. Да и самая форма вазы еще довольно строга и проста. Кратеры конца V в., например, изображенные в словаре Daremberg-Saglio под словом „Cratère“ (стр. 155, рис. 2039), гораздо изящнее и сложнее по своим пропорциям, имеют высокие ручки и удлиненные пропорции.

Датировать наш кратер мы должны эпохой после создания Парфенона, т. е. после 438 г. до н. э. Так как для своего развития роскошному стилю понадобилось десяти-двадцать лет, то более или менее правильным будет датировать кратер эпохой Пелопонесской войны, вернее эпохой Никеева мира, т. е. 420—415 гг. до н. э. Так как по глине, глазури, по стилю и по форме перед нами, несомненно, аттическое произведение, то слишком отдалять его дату к концу V в. вряд ли правильно, принимая во внимание разгром Афин в результате неудачной войны и прекращение, хотя бы временное, экспорта ваз. Этот разгром, разумеется, должен был сказаться и на производстве. Херсонесская ваза могла, конечно, бывать в богатой семье довольно продолжительное время и около 380—370 годов могла быть захоронена.

Вместе с кратером № 1517 были найдены две очень любопытные по форме и орнаменту вазы, о которых следует сказать несколько слов, так как они позволяют подтвердить только что установленную дату вазы № 1517.

Урна № 1518, по словам отчета⁵, красноглиняная, 0,31 м высотой и 0,86 м наибольшей окружности, с одной ручкой, покрытая небрежно исполненными орнаментами белого цвета, не была закрыта и содержала одни жженые кости.

¹ Б. В. Фармаковский, указ. соч., стр. 504, рис. 49.

² Там же, стр. 523—524.

³ Там же, стр. 553, рис. 59.

⁴ Очень близка к нашей вазе картина на котиле Афинского национального музея и по пропорциям женских фигур и по трактовке полос и тела — см. Фармаковский, указ. соч., стр. 479, рис. 36—37. Котила датируется эпохой развитого роскошного стиля, который потом переходит в роскошный.

⁵ В ОАК за 1903 г., стр. 38, наш кратер назван „краснофигурным позднего роскошного стиля“. Есть основание приписать это определение Б. В. Фармаковскому как члену АК.

⁶ ИАК, вып. 16, стр. 107.

другом месте¹ говорится, что орнамент сделан водяной краской. Совершенно то перед нами не аттический экспорт, а скорее всего, — судя по форме вазы², — из Ионии, для которой характерны и форма одноручного кувшина с раздутой средней частью туловища и орнаментальное украшение красными полосами по плечищу и волнистой линией на горле — все на белом фоне (в данном случае красный цвет — естественный цвет кувшина)³. Последнее обстоятельство, т. е. ионийское происхождение вазы, вполне понятно, так как старые, упрочившиеся связи Афин с Римом были, несомненно, временно прерваны событиями Пелопонесской войны, особенно после неудачного Сицилийского похода (413 года). Поэтому вполне понятно явление в погребении неаттической посуды.

Следующая урна того же погребения значится под № 1519 и описана так: «Урна петлоглиняная, 0,38 м вышиной и 0,55 м наибольшей окружности, с узким горлом, как у амфор, в 0,12 м вышины и 0,75 м диаметром, с одной большой и двумя малыми ручками. Внутри найдены также одни жженные кости»⁴.

Эта последняя урна несколько оригинальной, можно сказать, необычной формы, представляет собой как бы механическое соединение амфоры с гидрией. Недаром ОАК за 1903 год она просто названа гидрией (стр. 38). По своей форме ее горло высокая стройная ручка могут иметь аналогии с амфорами греческого классического времени. Например, некоторые амфоры, датируемые Б. Фармаковским VI слоем Ольвии, т. е. III в. до н. э., имеют невысокое горло, быстро внизу сширяющееся⁵, на нашей же урне горло почти под прямым углом переходит в плечо амфоры — гидрии. Наша ваза, несомненно, по форме строже и старше ольвийских. Она вполне может быть датирована V в., вернее его второй половиной, не исключается и начало IV в. до н. э.

Таким образом, все три урны дают нам ценное подкрепление той даты древнегреческой стены, которую мы пытались обосновать в первой части «Стен Херсонеса» тем анализа вещей Подстенного склепа, и аналогиям датированных кладок крепостных стен других греческих городов. И эти вазы, особенно краснофигурный оксиф роскошного стиля, убеждают нас в том, что Херсонес уже в первой половине (или же к середине) IV в. до н. э. имел крепостную ограду, что это был значительный город, имевший экономические связи с Атикой и Ионией.

¹ ОАК за 1903 г., стр. 38.

² Рисунок вазы: ИАК, вып. 16, стр. 106, рис. 47. Этот же рисунок воспроизведен ОАК за 1903 г. на стр. 39, рис. 53в (5).

³ Примеры ионийской посуды нам дает Б. В. Фармаковский в „Древности“ (Труды Моск. археол. общества), т. XXV.

⁴ ИАК, вып. 16, стр. 107.

⁵ ИАК, вып. 13, стр. 108, рис. 58. Датировка слоев—стр. 103.

1-50

Датировка...
де 438 г. до н. э. Так как для своего разра-
да лет, то более или менее правильным будет датир-
войск, вернее эпохой Никомеда мира, т. е. 420—415 гг.
лаку, по стилю и по форме перед нами, несомненно, эллистическое
слишком отдавать его дату в конду... а вряд ли правильно, принимая во внимание
разгром Афин в результате неудачной войны и прекращения, хотя бы временное, пор-
та наз. Этот разгром, разумеется, должен был сказаться и на производстве
Херсонессе ваза могла, конечно, находиться в богатой семье довольно продолжительное
время и около 380—370 годов могла быть захоронена.

Вместе с кратером № 1517 были найдены две очень красивые по форме и со-
дешу пазы, о которых следует сказать несколько слов, так как они позволяют
крепить только что установленную дату вазы № 1517.

Урна № 1518, по словам отчета¹, «красноглинная, 0,31 м высотой и 0,36 м в
большой окружности, с одной ручкой, покрытая небрежно исполненным орнаментом
белого цвета, не была закрыта и содержала один жженый лист».

¹ Б. В. Фармаковский, указ. соч., стр. 504, рис. 49.

² Там же, стр. 523—524.

³ Там же, стр. 553, рис. 50.

⁴ Очень близка к нашей назе картина из котлае Афинского национального музея
и по пропорциям женских фигур и по трактовке полос и т. д. — см. Фармаков-
ский, указ. соч., стр. 479, рис. 36—37. Котлае датируется эпохой развитого
дорийского стиля, который потом переходит в раскопный.

⁵ В ОАК за 1903 г., стр. 36, этот кратер назван «краснофигурным подел-
ственным стиля». Есть основание приписать это определение Б. В. Фармаковскому
или даже А. К.

⁶ ИСА, вып. 16, стр. 207.